

ИТОГИ

ДВАДЦАТИ СЕМИЛѢТНЯГО УПРАВЛЕНІЯ НАШЕГО

ТУРКЕСТАНСКИМЪ КРАЕМЪ.

Ю. Д. ЮЖАНОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяческая, № 39.

1891.

И Т О Г И

27-лѣтняго управленія нашего Туркестанскимъ краемъ.

15-го іюня прошлаго года праздновалось 25-лѣтіе взятія Ташкента, а въ сентябрѣ на ташкентской выставкѣ подведены были итоги экономическому развитію Туркестанскаго края за время нашего здѣсь владычества. Выставка намъ показала, что естественныя богатства края громадны и неисчислимы, что край находится мѣстами въ весьма благоприятныхъ, климатическихъ условіяхъ и не въ далекомъ будущемъ можетъ проявить широкую и кипучую сельско-промышленную дѣятельность. Она намъ объяснила, что экономическое развитіе края за 25 лѣтъ нашего владычества сдѣлало большой шагъ впередъ. Благодаря полному умиротворенію изнывавшаго въ постоянныхъ тревогахъ, неурядицѣ и анархіи края, благодаря водворенію въ немъ твердой власти, закона и порядка, туземцы свободно и спокойно отдались своимъ мирнымъ, полевымъ работамъ и разнымъ сподручнымъ промысламъ, а щедрая природа развернула свои производительныя силы и богатства,—и закипѣла мирная хозяйственная и промышленная дѣятельность, которая чрезъ 25 лѣтъ дала блестящіе результаты, и указала ту выдающуюся великую роль, которую край въ скоромъ времени будетъ играть въ государственномъ хозяйствѣ Россіи. Наше активное въ этомъ участіе, хотя было не велико, но несомнѣнно и оно дало могучій толчекъ промышленному развитію края. Хлопководство въ томъ размѣрѣ и въ томъ видѣ, какъ теперь оно стоитъ, винодѣліе, винокурение, пивоварение, табаководство, садоводство, кожевенное производство въ ихъ настоящемъ усовершенствованномъ видѣ, столярное ремесло и отчасти, къ нашему прискорбію въ очень слабой

степени, шелководство, а также рыболовство,—если не всё вполне обязаны инициативѣ, знанію и капиталу русскихъ промышленниковъ, то всё достигли своего развитія и значительнаго совершенства только благодаря нашему активному участию. Опытный, просвѣщенный и проницательный глазъ министра финансовъ, посѣтившаго прошлой осенью край и выставку, удивленный дѣйствительнымъ и почти еще нетронутымъ богатствомъ края, назвалъ его „жемчужиной въ коронѣ Русскаго Царя“. Несмотря на мизерность инициативы капиталовъ, опыта и знаній нашихъ торгово-промышленныхъ предпринимателей, придерживающихся узкой аршинной рутинной отповъ и дѣдовъ, мы все же, благодаря дѣйствительно богатой природѣ, съ чувствомъ нѣкотораго удовлетворенія можемъ смотрѣть назадъ и съ громадными надеждами обращаться впередъ.

Итакъ у насъ есть данныя судить объ экономическомъ развитіи края, радоваться ему и возлагать на него большія надежды.

Взглянемъ же теперь на другую сторону медали, на политическое социальное состояніе края, рассмотримъ, что въ этомъ отношеніи мы внесли въ него, что ему дали и какіе получили результаты.

До нашего прихода, Туркестанскій край находился въ состояніи полной и постоянной неурядицы, даже нерѣдко полной анархіи: не было въ немъ твердой власти, не было ни прочно-организованнаго порядка управленія, ни установившагося общественнаго строя. Кокандское правительство занимало укрѣпленные города и кишлаки, назначало въ этихъ пунктахъ аксакаловъ, курбашей, какъ полицейскую власть, и зекетіевъ, саркеровъ, какъ сборщиковъ податей,—и затѣмъ совершенно не вмѣшивалось во внутреннюю жизнь населенія. Жизнь осѣдлаго населенія текла строго по шаріату подъ вліяніемъ, руководствомъ и строгимъ присмотромъ казіевъ, раисовъ, ишановъ, муфтіевъ и имамовъ. Населеніе занималось хлѣбопашествомъ, ремеслами и торговлею, но никакого самоуправленія ему предоставлено не было. Общественная его жизнь выражалась лишь хожденіемъ въ мечеть въ установленное время и въ точномъ строгомъ соблюденіи требованій и установленій шаріата. Шаріатъ во все вникъ, все предусмотрѣлъ—и правовѣрному оставалось только слѣдовать его указаніямъ и исполнять его требованія; другихъ общественныхъ

нуждъ и потребностей онъ не зналъ и не признавалъ,—о чемъ въ шаріатѣ не упоминалось, то и не считалось обязательнымъ. Каждый кишлакъ былъ отдѣльная религіозная община. Большіе же города состояли изъ десятковъ такихъ общинъ, составлявшихъ махалля (приходъ), единственная общественная единица. Въ большихъ городахъ кромѣ того были торговые люди—купцы. Но они не составляли собою отдѣльнаго сословія, не были соединены въ одно цѣлое, словомъ ничѣмъ не проявляли особаго общественнаго единенія, особыхъ интересовъ, да и не имѣли для того потребной организаціи. Ими спеціально завѣдывалъ зякетчій; но онъ лишь бралъ съ нихъ зякетъ и передавалъ имъ къ исполненію требованія бека или правительства—и только. Торговля также всецѣло находилась подъ вліяніемъ и присмотромъ шаріата—зякетчи ни придумать, ни требовать ничего новаго не могъ. Базарные же аксакалы завѣдывали только порядкомъ и охраной базаровъ. Такимъ образомъ, города и кишлаки не представляли собою общество, какъ единое, цѣлое и правоспособное установленіе—это было совмѣстное жительство правовѣрныхъ, которые обязаны были аккуратно ходить въ мечеть, строго исполнять всѣ обрядовыя требованія шаріата и исправно платить сборщикамъ государственныя подати, хераджъ танапъ и зякетъ, и налоги по требованію хакимовъ, и бековъ на разныя потребности. Совмѣстная жизнь, конечно, создавала нѣкоторую общность интересовъ, на примѣръ: окарауливаніе и охрана кишлака отъ степныхъ хищниковъ, исправленіе и чистка старыхъ арыковъ, проведеніе новыхъ; но ирригаціей завѣдывали саркеры чрезъ назначаемыхъ ими арыкъ-аксакаловъ и ихъ помощниковъ тугачей, а охрана лежала на обязанности аксакаловъ, которые и распоряжались этимъ. Вообще осѣдлое населеніе не составляло организованныхъ обществъ, которыя бы дѣйствовали самостоятельно, властно, имѣли бы право приказывать, требовать, распоряжаться. Оно группировалось въ удобныхъ для земледѣлія мѣстностяхъ, составляло изъ отдѣльныхъ семействъ селенія, города и управлялось казіями, раисами, курбашами, аксакалами, саркерами, зякетчіями, которые назначались беками и центральнымъ правительствомъ. Но всѣ эти власти руководствовались исключительно шаріатомъ,—только беки, какъ и само правительство, хотя должны были управлять населеніемъ тоже по шаріату, но часто позволяли себѣ дѣйствовать по своему усмотрѣнію,

прислушиваясь, однако, къ мнѣнію ишановъ, аглямовъ, муфтіевъ, мударесовъ и казіевъ, авторитетныхъ толкователей шарсата. Такимъ образомъ осѣдлое населеніе управлялось по шаріату правительственными агентами; но само не имѣло соотвѣтственныхъ органовъ для самостоятельной общественной жизни и ни въ чемъ не проявляло общественной дѣятельности, отчего и находилось въ состояніи закоренѣлой вѣковой неподвижности.

Кочевое населеніе представляло совершенно другой типъ, другую картину. Здѣсь царствовалъ родовой патріархальный бытъ. Киргизы раздѣлялись на поколѣнія, поколѣнія на роды, роды на отдѣленія, отдѣленія на подъотдѣленія, послѣднія состояли изъ отдѣльныхъ ауловъ или семействъ. Каждое семейство составляло отдѣльный аулъ, исключеніе составляли бѣдняки и игинчи (хлѣбопашцы). Бѣдные аулы состояли изъ двухъ, трехъ и болѣе семействъ, но большинство изъ одной семьи. Хотя богатые семьи разбрасывались на два, на три аула по числу женъ у богатаго киргиза, или взрослыхъ отдѣленныхъ сыновей, но въ сущности они составили одинъ аулъ, одну политическую единицу. Ауломъ управлялъ глава семьи—аксакалъ. Родственные аулы группировались по возможности на одной мѣстности, какъ на лѣтовкахъ, такъ и на зимовкахъ и во время перекочевовъ. Киргизы женятся очень рано и могутъ имѣть до семи женъ. Поэтому нѣкоторые очень богатые и вліятельные киргизы еще при жизни своей имѣли счастье быть окруженными многочисленнымъ потомствомъ, жившимъ въ нѣсколькихъ десяткахъ ауловъ, кочевавшихъ вмѣстѣ вблизи одинъ отъ другаго. Пользуясь своею силою, богатствомъ и вліяніемъ, этотъ патріархъ на кочевкахъ захватывалъ возможно больше земли отдѣльными урочищами. Потомство его, размножаясь, называлось его именемъ и такимъ образомъ составлялась особая группа, особое подъотдѣленіе. Глава аула или нѣсколькихъ родственныхъ ауловъ былъ естественный аульный аксакалъ, представитель, покровитель и полновластный его управитель.

Аулъ жилъ совершенно независимо и самостоятельно; во внутреннюю его жизнь никто не вмѣшивался. Онъ обязанъ былъ платить выкѣтъ, т. е. подать, со скота, и разные общественные обборы на потребности всего рода или отдѣленія, а также въ случаѣ надобности давать одного или двухъ воору-

женныхъ джигитовъ противъ общаго врага—никакихъ другихъ обязанностей аулъ не зналъ.

Составившееся изъ такихъ родственныхъ ауловъ подѣленіе находилось подъ главенствомъ тугачи—старшаго потомка того, чье имя оно носило—хотя есть подѣлѣнія, называющіяся и по мѣстности. Нѣсколько такихъ подѣлѣній составляли отдѣленіе, управляемое біемъ, а нѣсколько отдѣлѣній родъ, управляемый родовымъ старшимъ біемъ. Если отдѣленіе кочевало отдѣльно и вдали отъ остальныхъ родичей, такъ что сообщенія съ ними становились случайны и рѣдки, тогда глава отдѣленія становился въ положеніе родоправителя и пользовался его правами. Родоправитель, какъ глава рода, былъ его естественный представитель, покровитель и отвѣтственное лицо предъ правительственною властію. Но правительственная власть требовала лишь исправнаго взноса зякета и покорности. Вслѣдствіе постоянныхъ смуть и волненій въ ханствѣ и очень частой перемѣны хановъ, а съ ними и всего правительства, власть правительственная въ рукахъ хакимовъ и бековъ была въ отношеніи кочевниковъ крайне не устойчива, непрочна, слаба, поэтому власти совершенно не вмѣшивались во внутренній бытъ киргизовъ. Они, конечно, не церемонились съ бѣдными киргизами, жившими въ своихъ юртахъ и юламейкахъ около укрѣпленныхъ пунктовъ, а также игинчей, осѣвшихъ уже на мѣстахъ, удобныхъ для хлѣбопашества, и проявляли въ отношеніи ихъ свою власть совершенно произвольно, не придерживаясь никакого закона и никакого обычая или порядка. Въ отношеніи же киргизовъ, кочевавшихъ въ степи, власть бековъ была, за рѣдкимъ исключеніемъ, слабая; но конечно власть ихъ была пропорціональна ихъ вооруженной силѣ. Если бекъ располагалъ значительнымъ гарнизономъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточное количество и сипа (конница) и сарбазовъ (пѣхота), то и власть его была болѣе внушительна; при слабыхъ же гарнизонахъ, какъ болѣею частію и было, и особенно въ степныхъ укрѣпленныхъ пунктахъ, она была ничтожна. Но и располагая значительными силами, беки старались ладить съ киргизами, ибо за ними, какъ за вѣтромъ въ полѣ, не угоняешься; а они имѣли полную возможность держать извѣстный районъ въ постоянной тревогѣ и даже въ осадномъ положеніи, такъ что только при полномъ спокойствіи осѣдлое населеніе смѣло выходило изъ своихъ окруженныхъ, и защищенныхъ высокими стѣнами киш-

лаковъ въ степь на свои поля, не опасаясь чебаровъ и баранты. При такомъ положеніи дѣлъ родоправители большихъ родовъ имѣли огромное значеніе какъ въ степи, такъ и въ глазахъ правительства. За родоправителемъ стоялъ и шелъ весь его родъ; если бекъ былъ съ ними въ ладу, или съумѣлъ держать ихъ въ рукахъ, то и въ степи было спокойно. Въ противномъ случаѣ степь волновалась, приходила въ броженіе, а кышлаки замыкались въ своихъ высокихъ стѣнахъ. Такое положеніе для осѣдлаго населенія занимающагося хлѣбопашествомъ, было невыносимо, и кышлаки вступали въ особое отношеніе къ родоправителямъ сосѣднихъ киргизовъ. Такъ во время нашего прихода, родоправитель рода „Сейкимъ“, бій Батырбекъ, былъ патрономъ, или покровителемъ кышлаковъ КараБулака и Манкента; родоправитель рода „Джанысъ“, бій Момынбекъ, былъ патрономъ кышлаковъ Карамуртъ, Янганлыкъ и Тонгузъ—Лау; родоправитель рода „Чемыръ“, бій Байзакъ, покровительствовалъ городу Аулізата; родоправитель рода „Исты“, бій Чокай, покровительствовалъ кышлаку Чулакъ—Курганъ, а Кунусъ, родоправитель рода „Конградъ“—Туркестанскимъ кышлакамъ. Кышлаки за это покровительство принимали своихъ патроновъ съ почетомъ, подносили разъ въ годъ сарпа—недорогіе подарки. За эту честь оказываемую ими такимъ вліятельнымъ старѣйшинамъ киргизовъ, они спокойно обрабатывали свои поля и ѣздили съ торговыми или иными цѣлями въ киргизскіе аулы.

Такимъ образомъ родоправители пользовались большимъ значеніемъ и большимъ вліяніемъ, какъ между киргизами, такъ и въ глазахъ коканскихъ правительственныхъ властей и осѣдлаго населенія. Въ глазахъ же своихъ сородичей онъ былъ бій—правитель и судья и пользовался громаднымъ вліяніемъ. Родичи его почитали и безпрекословно ему повиновались: признавалъ онъ власть коканцевъ—и они покорялись имъ и наоборотъ. Но родоправители управляли своимъ родомъ не произвольно, а строго согласуясь съ установившимся и получившимъ силу закона обычаемъ предковъ. Въ частную же домашнюю жизнь своихъ сородичей онъ не вмѣшивался; она текла свободно, вольно, но согласно во всемъ съ обычаемъ отцовъ и дѣдовъ. Какъ сарты жили и, такъ сказать, дышали по шаріату, такъ киргизы жили и думали по обычаю. Этотъ обычай былъ единственный законъ для киргизъ, главный руководитель и ихъ владыка. Киргизъ въ частной жизни былъ

совершенно свободенъ и ни отъ кого независимъ. Жизнь его зависѣла всецѣло отъ благосостоянія его скота: было бы его баранамъ и лошадямъ не голодно и не холодно—и онъ счастливъ и доволенъ; въ этомъ все его благополучіе. Когда же его благополучіе нарушалось кѣмъ-нибудь,—онъ или обращался къ самосуду—шелъ барантой и чебаромъ противъ своего недруга, или шелъ къ бію—правителю, или къ суду біевъ, смотря по важности дѣла. Въ сущности у киргизовъ не было біевъ, какъ установленныхъ или постоянныхъ судей. Біями назывались родоправители и судьи; но судъ біевъ состоялъ изъ лицъ, избираемыхъ тяжущимися сторонами на каждый случай особо. Такимъ біемъ могъ быть всякій, кого только пожелаетъ тяжущаяся сторона; но обыкновенно избирали лицъ пользующихся общимъ уваженіемъ и хорошо знающихъ киргизскій адатъ (обычное право киргизъ). Такимъ образомъ выходило, что тяжущіеся избирали почти однихъ и тѣхъ же лицъ; въ силу такого постоянства этимъ лицамъ усвоивалось званіе біевъ, и они уже всю жизнь носили званіе бія. Какъ родоправитель, такъ и избранные біи разбирали и рѣшали дѣла строго по адату, отнюдь не отступая отъ его требованій и положеній,—и въ этомъ заключалась прочность и сила власти родоправителя и суда. Нарушеніе адата неминуемо поколебало бы власть родоправителя и довѣріе къ судьямъ. Какъ у сартовъ дѣйствія и распоряженія правительственныхъ властей считались незаконными, если они были несогласны съ шаріатомъ, такъ и у киргизовъ,—если они были несогласны съ адатомъ; но тѣ и другіе имъ повиновались, какъ приказаніямъ силы, которой покоряется все, къ чему она соприкасается. Сила же эта имѣла значеніе пропорціонально разстоянію кочевковъ отъ укрѣпленій коканскихъ—и вдали въ глубинѣ степи теряла всякое значеніе. Поэтому внутри степи была полная анархія, полное безначаліе. Хотя киргизы управлялись біями, судились и жили по адату, то есть, по обычаю; но обычай этотъ имѣлъ силу закона только во взаимныхъ отношеніяхъ киргизовъ между собою, и когда къ нему обращались; даже въ этихъ послѣднихъ случаяхъ имъ только руководствовались, на основаніи обычая судились, по обычаю входили въ домашнія и семейныя сдѣлки, но по исполненію судебныхъ рѣшеній и домашнихъ и семейныхъ обязательствъ, обычай очень часто нарушался и не исполнялся. Не только въ столкновеніяхъ киргизовъ разныхъ родовъ, но и въ дѣлахъ между родича-

ми, киргизы старались уклониться отъ исполненія рѣшеній суда бѣевъ, какъ по уплатѣ куновъ за убійство, за нанесеніе тяжкихъ и легкихъ ранъ и поврежденій членовъ, такъ и по взысканіямъ долговымъ: свадебнымъ, семейнымъ и за разныя кражи и баранты. Тогда вступалъ въ свои права самосудъ,—потерпѣвшая сторона считала себя вправѣ силой, т. е., барантой, или чебаромъ, взять то, что ей причитается, или отомстить за смерть, или увѣчье своего родича. Противная сторона старалась въ свою очередь отомстить тѣмъ же: за баранту — барантой, за чебаръ—чебаромъ, и начиналась родовая месть. Разоренная и обезсиленная барантой сторона обращалась къ суду бѣевъ. Судъ разбиралъ и присуждалъ кому что слѣдуетъ, но рѣшеніе также не исполнялось — и снова баранта, но уже въ болѣе обширныхъ размѣрахъ: принимали въ ней участіе ближайшіе родственники и барантовали и чебарили не самихъ только противниковъ, но и ихъ родичей.

Такимъ образомъ, установилась баранта, которая стала въ степи обыденнымъ явленіемъ, была бичемъ народнаго благосостоянія и поддерживала и раздувала тамъ анархію и духъ своеволія. Киргизу уже было скучно безъ баранты и чебара сидѣть, сложа руки, въ своемъ аулѣ—онъ припоминаетъ какіе-нибудь давнишніе счеты съ киргизами другихъ родовъ—и барантуетъ. Здѣсь киргизы проявляютъ удалство, ловкость, силу и смѣлость—и смѣлый барантатъ, пріобрѣтаетъ славу въ степи. Собравъ вольницу, онъ уже дѣлаетъ набѣги на чужихъ киргизовъ, принадлежащихъ къ другой ордѣ, находящихся подъ вѣдомствомъ другихъ властей—съ Таласа и Чу идетъ въ Каркаралы, въ Акмоллы, или къ каракиргизамъ, съ Арыса и Дарьи—въ Букантау и на оборотъ. Идетъ по степи торговый караванъ, по возможности многочисленный и вооруженный—киргизы норовятъ отогнать верблюдовъ, лошадей, сдѣлать на ночлегѣ въ темную ночь суматоху и стащить одинъ или два тюка съ товаромъ. Караванбашъ, благодаря суюнчамъ (подарокъ за хорошее свѣдѣніе) находитъ виновныхъ и обращается къ суду бѣевъ—судъ присуждаетъ съ виновныхъ слѣдуемое; но потерпѣвшій караванъ очень рѣдко получалъ удовлетвореніе. Такимъ образомъ, въ степи своевольничала киргизская вольница, не зная ни закона, ни власти.

Отношенія между кочевымъ и осѣдлымъ населеніемъ были весьма недрожелюбныя. Рознь эта между сартами, съ одной стороны (равумѣя подъ именемъ сартовъ все осѣдлое населе-

леніе) и киргизами съ другой, не зависѣла отъ какихъ-нибудь случайныхъ обстоятельствъ, отъ какихъ-нибудь давнишнихъ споровъ и несогласій,—она глубоко коренилась въ самой натурѣ тѣхъ и другихъ. Это была рознь людей съ совершенно разнымъ характеромъ, съ разными міровоззрѣніями и вкусами и съ рѣзко отличающимся одинъ отъ другаго образомъ жизни. Киргизы народъ подвижной, бродячій и сравнительно воинственный; сарты малоподвижны и трусливы. Первые, народъ веселый, общительный, добродушный, добросердечный, гостепріимный, щедрый, поэтъ въ душѣ и воспріимчиваго, но легкаго, ума;—вторые—угрюмы, не общительны, скрытны, хитры и лукавы, серьезны, обстоятельны и скупы. Киргизъ обманетъ и солжетъ по легкости сердечной, по своей болтливости, не придавая своей лжи серьезнаго значенія; сартъ обманетъ и солжетъ умышленно, вполнѣ сознательно, съ расчетомъ. Кромѣ этихъ противоположныхъ свойствъ у тѣхъ и другихъ, киргизъ—смотритъ на сарта съ высока, съ одной стороны, какъ на хлѣбопашца, на чернорабочаго, чѣмъ занимаются у нихъ только самые послѣдніе люди, игинчи, совершенные бѣдняки, а съ другой, какъ на обманщика и ростовщика, который ссужаетъ имъ деньги за громадные проценты, продаетъ имъ свои произведенія и разные товары страшно дорого, при чемъ обвѣшиваетъ, обмѣриваетъ и обсчитываетъ. Напротивъ, кочеванье и скотоводство они считаютъ благороднымъ занятіемъ: летаетъ онъ по степи, всегда веселый, безпечный, почти ничѣмъ не занятъ, ни о чемъ не думаетъ и готовъ слетать за десятки верстъ за свѣжей новостью, повидаться съ тамыромъ, или отъ нечего дѣлать—и съ презрѣніемъ смотритъ на сарта, замкнутаго въ четырехъ стѣнахъ и въ потѣ лица обрабатывающаго поля и сады. Ко всему этому киргизъ съ омерзѣніемъ относится къ сартовской развращенности, выражающейся въ общей страстной склонности—къ баччебазству. Въ свою очередь сарты съ презрѣніемъ смотрятъ на киргизовъ, кикъ надикарей, справедливо считая себя образованнѣе, умнѣе и серьезнѣе ихъ, и при томъ сарты видятъ въ нихъ только по имени мусульманъ, а въ дѣйствительности кяфіровъ (людей невѣрныхъ), не исполняющихъ обряды мусульманскіе, живущихъ не по шаріату и не признающихъ его,—и потому считаютъ позволительнымъ, когда представится случай, обмануть, обсчитать и раззорить этихъ степныхъ разбойниковъ—барантачей и варваровъ, шляющихся по степи безъ труда, безъ дѣ-

ла, тогда какъ все благополучіе, все благосостояніе свое они видятъ въ земледѣліи и въ промысловомъ трудѣ и въ торговлѣ. Такимъ образомъ, обѣ главныя народности Туркестана живутъ совершенно розною жизнію и смотрятъ въ противоположныя стороны.

Въ такомъ положеніи находился Туркестанскій край во время нашего туда прихода. По мусульманской замкнутости среднеазиатскихъ ханствъ и положительной ихъ недоступности для европейца, страна эта была для насъ совершенно невѣдома. Поэтому, овладѣвъ ею, мы съ крайнею осторожностію стали вводить свое управленіе, водворять нѣкоторый порядокъ. Благоразуміе требовало прежде ознакомиться съ характеромъ и бытомъ населенія, съ климатическими и топографическими условіями страны и затѣмъ уже вводить свое управленіе, свою гражданственность, тѣмъ болѣе, что тогда мы еще и сами не знали конечной цѣли занятія нами Туркестанскаго края. Судьба навязала намъ эту невѣдомую страну, безъисходная необходимость принудила насъ занять ее, — но мы еще не знали, слѣдуетъ ли эту страну окончательно присоединить къ Имперіи, слѣдовательно и водворить въ ней на прочныхъ началахъ нашъ порядокъ, нашу гражданственность, или только временно занять ее, прекратить анархію, водворить спокойствіе и эксплуатировать ея богатства. Генералъ Черняевъ отнесся къ этому существенному и главному вопросу вполне осмотрительно и крайне осторожно. Онъ на первое время предоставилъ внутреннее управленіе населеніемъ ему самому тѣмъ же порядкомъ, посредствомъ тѣхъ же органовъ, какъ оно управлялось при кокандцахъ, но подъ контролемъ и руководствомъ русской власти.

Русская власть сначала приняла въ отношеніи внутренняго управленія населеніемъ болѣе наблюдательное, чѣмъ активное положеніе. Населеніе въ теченіе 4-хъ лѣтъ управлялось также чрезъ аксакаловъ, казіевъ у сартовъ, старшихъ биевъ и простыхъ биевъ у киргизъ, съ необходимыми и незначительными ограниченіями и измѣненіями. Такъ мы уничтожили рабство, прекратили по приговорамъ казіевъ отсѣченіе членовъ рукъ, ногъ и смертную казнь, уничтожили ихъ винданы — ямы для содержанія преступниковъ, и уничтожили должность райса, наблюдавшаго за точнымъ исполненіемъ правовѣрными обрядовъ религіи, и курбаши — начальника ночной стражи.

Хотя съ переходомъ подъ наше владычество, населеніе не

видѣло никакой перемѣны въ его жизни, въ его внутреннемъ управленіи, въ его судѣ, но оно сразу почувствовало въ воздухѣ иное вѣяніе,—сознало, что наступила другая эра, доселѣ не испытанная и не извѣданная. Явилась власть твердая, стойкая, которую послушаться никому и въ голову не приходило,—явилось начальство, которое властно распоряжалось и у котораго смѣло можно было искать и защиты и правды. Послѣ погромовъ, нанесенныхъ въ Ауліэата, Туркестанѣ, Чимкентѣ, Ташкентѣ, Ирджарѣ, Ходжентѣ, Уратюбе и Джизакѣ, кокандцы и бухарцы притихли, присмирѣли. Внутри страны какъ-то стало тихо, покойно; прекратилась и баранта, объявленъ былъ салаватъ, или прекращеніе всѣхъ тяжёбныхъ дѣлъ, истекающихъ отъ баранты за прежнее время. Киргизы уже не боялись за безопасность своего скота; сарты смѣло предались обработыванію земли и своимъ промысламъ и торговлѣ; расширились поля и сады, появились по степи новыя курганчи; гдѣ было мертво и пустынно явилась жизнь, зазелѣнѣли поля и сады, пріютились въ курганчахъ хлѣбопашцы; гдѣ было непроходимое болото и камыши—мѣстность стала расчищаться, явились рисовыя поля. Первые четыре года край управлялся слабыми ничтожными силами --это было просто военное занятіе его русскими войсками. Но несомнѣнная и громадная заслуга этого первоначальнаго 4-хъ лѣтняго нашего управленія краемъ было то, что эта, подавленная и угнетенная постоянными кровавыми смутами и волненіями, обуреваемая полной и всегдашней анархіей, страна была на столько умиротворена и успокоена, что населеніе получило возможность обратиться къ мирному труду.

Въ эти четыре года выяснилось, что новый край долженъ быть присоединенъ къ Имперіи навсегда, но что оставлять его въ такомъ плачевномъ управленіи далѣе нельзя и необходимо дать ему возможно-правильное гражданское управленіе, согласованное съ бытомъ и характеромъ туземцовъ и съ мѣстными условіями. Командированная по Высочайшему повелѣнію степная коммисія тщательно собрала на мѣстѣ всестороннія свѣдѣнія о новой странѣ и ея населеніи и составила, примѣняясь къ нимъ, проектъ положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ. Главныя основанія къ этому проекту были выработаны особымъ комитетомъ, составленнымъ по Высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ военнаго министра генералъ-адъютанта Мидютина, изъ лицъ болѣе или менѣе знакомыхъ

съ новымъ краемъ и близко къ нему стоящихъ и стоявшихъ. Но несмотря на разныя комисіи и комитеты, занимавшіеся изученіемъ и изслѣдованіемъ новаго края, онъ оказался на дѣлѣ еще настолько невѣдомымъ, такъ мало изслѣдованнымъ, что правительство не рѣшилось утвердить составленный степною комисію для управленія Туркестанскаго края проектъ положенія. Но, учредивъ однако на основаніи этого проекта изъ Туркестанскаго края особое генераль-губернаторство, оно предоставило новому главному начальнику края въ видѣ опыта полномочіе управлять краемъ по своему усмотрѣнію въ теченіе трехъ лѣтъ, примѣняясь однако къ этому проекту положенія, и обязало его, ознакомившись съ краемъ, на мѣстѣ исправить и дополнить уже провѣренный опытомъ проектъ положенія и представить новое положеніе по истеченіи опытнаго 3-хъ-лѣтняго срока.

Такое необычайное полномочіе дано было новому главному начальнику Туркестанскаго края генераль-адъютанту фонъ-Кауфману 1-му, несомнѣнно только благодаря полному лично-му довѣрію Государя высокимъ качествамъ этого выдающагося государственнаго человѣка. Это былъ человѣкъ пресвѣщенный, глубокаго ума, съ широкимъ государственнымъ взглядомъ, твердой воли и стойкаго характера, смѣлый и рѣшительный, и при этомъ человѣкъ общительный, доступный и добрый. Твердою рукою, властно и смѣло принялся онъ за управленіе ввѣреннымъ ему краемъ. Утвердивъ русскую власть и окончательно совершенно его успокоивъ, онъ ввелъ здѣсь новое управленіе, установилъ возможно прочный порядокъ, водворилъ начало русской гражданственности и высоко поднялъ русское знамя въ этой фанатической мусульманской странѣ. Обѣхавъ страну, ознакомившись съ населеніемъ, бытомъ, характеромъ и мѣстными условіями, генераль-адъютантъ Кауфманъ нашелъ возможнымъ цѣликомъ принять данный ему къ руководству проектъ положенія и по штатамъ его образовать новое управленіе краемъ. Вотъ основныя положенія устройства управленія новообразованнаго генераль-губернаторства; 1) нераздѣльность власти военной и административной и соединеніе ея въ край въ однѣхъ рукахъ и 2) предоставленіе внутренняго управленія туземнымъ населеніемъ по всѣмъ дѣламъ, не имѣющимъ политическаго характера, выборнымъ изъ среды самого народа, примѣняясь къ его правамъ и обычаямъ.

Эти два положенія прошли чрезъ всѣ правительственныя и

общественные органы и учреждения и окрасили ихъ соотвѣтствующей ихъ духу краской: краемъ управляетъ власть военная, но дѣйствуетъ она на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ и особаго спеціальнаго положенія; общественное народное управленіе основано на выборномъ началѣ, примѣняясь къ образцу общественныхъ самоуправленій цивилизованныхъ народовъ. И вотъ уже 23 годъ дѣйствуетъ въ край основанный на этихъ началахъ строй административнаго и общественнаго управленія—время совершенно достаточное для того, чтобы выяснилось и опредѣлилось, насколько оказались цѣлесообразными и плодотворными эти два положенія. Попытаемся же, на сколько возможно, подвести этому итоги.

Первое положеніе—нераздѣльность власти военной и административной и соединеніе ея въ однѣхъ рукахъ.

У насъ въ Россіи считалось непреложной истиной, что на окраинахъ государства власти административная и военная должны быть соединены въ однѣхъ рукахъ, именно въ лицѣ военнаго начальника. Этотъ взглядъ господствуетъ у насъ и въ настоящее время. Во время образованія Туркестанскаго генераль-губернаторства, т. е. въ 1867 г., когда край находился на военномъ положеніи, никому и въ голову не могло бы прійти задаваться вопросомъ, насколько это соединеніе властей необходимо и цѣлесообразно. Но нынѣ, и именно подводя итоги нашему управленію краемъ, невольно напрашивается этотъ вопросъ.

Западно-европейскія правительства не держатся этого взгляда. Они считаютъ необходимымъ только, чтобъ власть на окраинахъ была въ рукахъ болѣе опытныхъ и твердыхъ, чтобъ главный начальникъ окраины былъ человѣкъ съ широкимъ государственнымъ умомъ.

Мы кромѣ этого считаемъ необходимымъ, чтобъ власть на окраинахъ находилась въ рукахъ военныхъ, чтобъ главный начальникъ ея былъ и командующій расположенными въ ней войсками. Постановленіе это относительно Туркестана, по мнѣнію комитета генераль-адъютанта Милютина, оправдывалось мѣстными обстоятельствами, пограничнымъ положеніемъ края, недавнимъ его завоеваніемъ, политическимъ отношеніемъ нашимъ къ сосѣднимъ ханствамъ и необходимостію быть здѣсь во всегдашней готовности, какъ къ охраненію спокойствія внутри страны, такъ и къ отраженію всякаго вѣжлиаго покушенія. Въ подобныхъ обстоятельствахъ не разъ находились и

Англія въ Индіи и Франція въ Алжирѣ, но они не вызвали тамъ необходимости соединенія властей военной и гражданской въ однѣхъ рукахъ—и мѣстная власть, находившаяся въ рукахъ гражданскихъ, съумѣла справляться съ такими обстоятельствами.

Прошли десятки лѣтъ и проходятъ столѣтія ихъ колоніальному господству—и не было повода къ возбужденію вопроса о соединеніи въ колоніяхъ властей военной и гражданской въ однѣхъ рукахъ. А что возможно для англичанъ и французовъ, то, конечно, возможно и для насъ. Такимъ образомъ означенные выше мотивы комитета генераль-адъютанта Мплютина не убѣдительны. Но они сами по себѣ и не существенны. Власть правительственная должна быть твердая, энергичная, сильная,—а это зависитъ не отъ того, въ чьихъ она рукахъ, а отъ того, въ какихъ она рукахъ. Войска, расположенныя въ краѣ, въ строевомъ и хозяйственномъ управленіи могутъ быть подчинены и не главному начальнику, а особому командующему войсками округа. Власть главнаго начальника и престижъ ея нисколько не умалятся отъ того, что войска ему не подчинены, а также ни на волосъ не увеличатся, если онъ будетъ и войсками командовать. Туземное населеніе и сосѣднія ханства будутъ смотрѣть не на того, кто командуетъ войсками, а на того, кто говоритъ съ ними отъ имени Царя, закона и правительства, кто управляетъ краемъ и распоряжается русскою силою въ краѣ. Войска же свое дѣло сдѣлаютъ, независимо того, по чьей инициативѣ они идутъ въ дѣло: войска идутъ, куда ведетъ ихъ командиръ и дѣлаютъ то, что онъ прикажетъ. Да наконецъ начальникъ края въ критическія минуты, т. е., на время возстанія или отраженія непріятеля, можетъ вступать въ командованіе войсками, а также можетъ производить смотры и парады войскамъ при подчиненіи послѣднихъ въ строевомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ другому лицу—тогда и многосторонняя и тяжелая работа и большая отвѣтственность снимаются съ него, и оставляется ему наружный блескъ военной власти. При этомъ могутъ быть, конечно, нѣкоторые незначительныя недоразумѣнія, напр., по расквартированію и продовольствію войскъ; но подобныя недоразумѣнія отчасти устраняются инструкціями высшаго начальства, отчасти улаживаются личными согласованіями и разъясненіями. Уживаются же эти власти между собою безъ вреда дѣлу во французскихъ и англійскихъ колоніяхъ. Но во всякомъ случаѣ не-

доразумѣнія эти представляются незначительными въ сравненіи съ тѣми удобствами, какія даетъ разобщеніе этихъ властей въ разныхъ рукахъ. Всѣмъ старымъ туркестанцамъ памятно, какъ много работали и усиленно занимались извѣстнаго дня въ день—покойный Константинъ Петровичъ Кауфманъ и часто исправлявшій его должность Герасимъ Алексѣевичъ Колпаковский—они свободны были отъ служебной дѣятельности только во время обѣда и сна. Итакъ каждый день съ 9 часовъ утра до 11 или 12 часовъ ночи быть въ постоянно напряженномъ состояніи ума! Да развѣ можно сохранить свѣжесть и бодрость головы для яснаго пониманія вещей въ теченіи 14 часовъ напряженной работы ума и притомъ почти каждодневно. Иное вышло бы дѣло, если-бы главный начальникъ края былъ освобожденъ отъ обязанностей и отвѣтственности по командованію войсками, тогда онъ не тратилъ бы дня въ недѣлѣ, а всѣ шесть дней отдавалъ бы управленію краемъ, и, конечно, государство и Туркестанскій край отъ этого только бы выиграли. Край еще не устроенъ во всѣхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ быстро развивается также во всѣхъ отношеніяхъ; возникаютъ новыя потребности, новыя вопросы, новыя отрасли дѣятельности, управленіе краемъ осложняется и впереди предстоитъ много и очень много работы, было бы только умѣнье и желаніе работать!

Если можно оспаривать соединеніе высшихъ властей военной и гражданской въ однѣхъ рукахъ, тѣмъ болѣе является сомнительной польза соединенія въ лицѣ военнаго губернатора и званія командующаго войсками области. Это въ дѣйствительности не вызывалось и не вызывается никакою потребностію. А между тѣмъ военный губернаторъ также принужденъ былъ большую половину времени отдавать командованію войсками: доклады по штабу, доклады командировъ и начальниковъ частей, строевое и казарменное обученіе войскъ, смотръ обыкновенные и инспекторскіе, хозяйственное управленіе войсками, крѣпостями, отнимали у нихъ очень много времени въ прямой ущербъ главной ихъ задачѣ управленія областію. Тѣмъ болѣе нашимъ губернаторамъ было трудно управлять областями, что никто изъ нихъ не былъ подготовленъ къ такой трудной, сложной и разнообразной дѣятельности.

Командиръ полка или начальникъ штаба, сдѣлавшись губернаторомъ, вступаетъ въ должность губернатора, какъ въ темный лѣсъ. На губернаторскомъ мѣстѣ ему приходится знакомиться съ духомъ, характеромъ и основаніями гражданской

службы, хотя это немного и поздновато. Не зная ни законовъ, ни порядковъ гражданскихъ, а напротивъ прекрасно знакомый съ законами и порядками военными, онъ очень неохотно занимается гражданскою частію, а съ любовію отдаетъ большую часть своего времени службѣ военной. Обѣзжая область, онъ внимательно и подробно осматриваетъ крѣпости, госпитали, войска, посмотритъ казармы, пищу, аммуницію—произведетъ имъ ученіе—и только мимоходомъ переговоритъ съ уѣзднымъ начальникомъ, съ представителями населенія, приметъ просьбы и жалобы, сдѣлаетъ кой-какія распоряженія—и укатитъ далѣе. При всей добросовѣстности своей и природныхъ дарованійхъ, онъ не скоро пріобрѣтетъ необходимые опытъ, знанія и тактъ гражданской службы—его слишкомъ много занимаютъ и увлекаютъ занятія по военной части и не даютъ ему отдаться душой и сердцемъ новой дѣятельности.

И въ третьей низшей ступени правительственной власти въ краѣ, въ лицѣ уѣзднаго начальника, было проектировано соединеніе властей гражданской и военной. Но въ самомъ же началѣ по введеніи управленія по проекту 1867 г. было на мѣстѣ признано полное неудобство и отсутствіе дѣйствительной надобности соединенія этихъ властей, и потому еще въ 1868 или 1869 году была изъята изъ вѣдѣнія уѣзднаго начальника военная часть и оставленъ ему только одинъ военный мундиръ, т. е., признано необходимымъ назначать уѣздныхъ начальниковъ и ихъ помощниковъ исключительно изъ лицъ военныхъ. Условіе это, само по себѣ не имѣющее серьезнаго существеннаго значенія, закрываетъ однако доступъ къ занятію этой должности всѣмъ гражданскимъ чинамъ.

Такимъ образомъ уѣздные начальники и ихъ помощники комплектовались исключительно изъ лицъ военныхъ, оставившихъ строевую или штабную службу. Но прошлое показало, что личный составъ этихъ должностей былъ не всегда и не достаточно удовлетворительный—военные губернаторы нерѣдко жаловались на недостатокъ подходящихъ лицъ для замѣщенія этихъ должностей. Слѣдовательно, контингентъ военныхъ чиновъ, вложившихъ боевое оружіе въ ножны и взявшихъся за перо, былъ не всегда и не вполне удовлетворителенъ и не устранялъ потребность пополненія его изъ другаго источника, другими силами. Хотя въ объяснительной запискѣ къ проекту 1867 г. нѣтъ никакихъ указаній или объясненій того, почему именно требуются на эти должности непременно военные чины,

а гражданскаго допустить нельзя. Отъ уѣздныхъ начальниковъ и ихъ помощниковъ требуется нѣкоторый опытъ гражданской службы, знаніе подлежащихъ законовъ, требуется, чтобъ они были проникнуты чувствомъ твердой, строгой законности въ своихъ дѣйствіяхъ и полной сердечной заботливости о нуждахъ и потребностяхъ населенія,—и этимъ путемъ внушить туземцамъ довѣріе къ русской власти, уваженіе къ русскому закону и русскимъ порядкамъ. Населеніе, убѣдившись, что имъ управляетъ законъ, а не произволъ, какъ было при кокандскомъ владычествѣ, будетъ совершенно послушно предъ начальствомъ—въ этомъ достаточно убѣждаютъ первые годы нашего управленія краемъ.

Въ первое время по занятіи края, населеніемъ завѣдывали какъ гражданскіе, такъ и военные чины. Въ Казалинскѣ, Перовскѣ, Туркестанѣ, Чимкентѣ завѣдывали населеніемъ чиновники, даже начальникомъ города Ташкента былъ нѣкоторое время чиновникъ. Всѣ эти чиновники пользовались полнымъ довѣріемъ населенія и имѣли на него вполне достаточное вліяніе—населеніе ихъ слушалось и исполняло ихъ требованія и приказанія, несмотря на то, что они носили партикулярное платье.

Былъ одинъ случай, когда завѣдующему населеніемъ потребовалась военная сила: жители Сайрама не хотѣли подчиниться рѣшенію третейскихъ судей по спору о водѣ съ жителями г. Чимкента, и не исполняли приказанія по этому поводу завѣдующаго населеніемъ. Послѣдній принужденъ былъ потребовать отъ коменданта крѣпости военную команду; но еще на пути къ Сайраму его встрѣтили аксакаль и почетныя лица этого города съ повинною, и команда была возвращена въ крѣпость. Власть оказалась на высотѣ своего положенія, хотя была въ рукахъ и не военного чина. Важно слѣдовательно не то, чтобъ начальникъ самъ лично велъ военную силу въ дѣло, а то, чтобъ онъ имѣлъ право распорядиться этою силою, чтобъ его требованіе, его приказаніе могло опереться на эту силу, въ случаяхъ надобности.

Вопросъ слѣдовательно сводится къ тому, кто правильнѣе и лучше распорядится врученною ему властію. Властію же несомнѣнно лучше и правильнѣе распорядится тотъ, кто правильнѣе понимаетъ свои права и обязанности, независимо того, какой онъ носитъ мундиръ. Конечно, начальникъ, неопытный по службѣ, малосвѣдущій въ законахъ и порядкахъ гражданскихъ, не

можетъ дѣйствовать твердо, смѣло, рѣшительно и властно, ибо не знаетъ въ точности, къ чему его обязываетъ законъ, что отъ него онъ требуетъ въ данномъ случаѣ и какъ именно въ извѣстномъ случаѣ онъ долженъ и въ правѣ распорядиться. Если же при этомъ имѣть въ виду, что убѣдными начальниками и ихъ помощниками назначались большею частію лица мало знакомые съ законами и порядками гражданскими, за недостаткомъ лицъ свѣдущихъ, опытныхъ по службѣ, то едва-ли можно признать полезнымъ и цѣлесообразнымъ закрытіе доступа къ занятію этихъ должностей чинамъ гражданскимъ. Считаемо нужнымъ оговориться, что мы далеки отъ мысли, чтобъ для занятія этихъ должностей отдавать преимущество гражданскимъ чинамъ. Мы напротивъ думаемъ, что при одинаковыхъ качествахъ слѣдуетъ отдавать преимущество военнымъ чинамъ какъ болѣе дисциплинированнымъ и исполнительнымъ и менѣе склоннымъ къ умничанью и либеральничанью. Но говоримъ только, что не слѣдуетъ закрывать доступъ къ этимъ должностямъ чинамъ гражданскимъ.

Такимъ образомъ едва-ли можно признать соединеніе военной и гражданской властей въ однѣхъ рукахъ полезнымъ. Оно отнимало у главнаго начальника края и военныхъ губернаторовъ половину времени на управленіе войсками и такимъ образомъ не позволяло имъ употреблять всѣ свои силы и все время на благоустройство края, чѣмъ конечно задерживалось какъ экономическое, такъ и политическое его развитіе. А такіе походы, какъ Самаркандскій, Шагрьзябскій, Кульджинскій, Хивинскій, Кокандскій, Джамскій и второй Кульджинскій, можно сказать, отнимали все время какъ у главнаго начальника, такъ и военныхъ губернаторовъ, совершенно поглощенныхъ приготовлениями къ походамъ и самими походами. Если и блеснулъ Туркестанскій край своимъ экономическимъ развитіемъ на прошедшей Ташкентской выставкѣ, то лишь благодаря громаднымъ неисчислимымъ естественнымъ его богатствамъ, оживленнымъ трудолюбивымъ населеніемъ подъ сѣнью мирнаго, но твердаго и могущественнаго русскаго владычества.

Конечно, въ этомъ важную роль играло то обстоятельство, что край находился и находится въ обособленномъ положеніи и въ вѣдѣніи военного министерства. Относясь съ полной заботливостью къ вновь покоренному краю, военное министерство чутко прислушивалось къ его нуждамъ и потребностямъ, щедро отпускало средства на его благоустройство и предоставляло для

этой цѣли въ распоряженіе главнаго начальника края всѣ доходы сначала Зарявшанскаго округа, а потомъ Ферганской области, благодаря чему быстро создались областныя и уѣздныя городки нынѣшнихъ Самаркандской и Ферганской областей.

Второе условіе, положенное въ основу устройства новаго края, напротивъ имѣетъ весьма существенное, важное значеніе, ибо оно дало и даетъ направленіе и характеръ общественному быту, общественному развитію всего туземнаго населенія.

Проектъ положенія 1867 года предоставилъ туземцамъ Туркестанскаго края самоуправленіе чрезъ своихъ выборныхъ по всѣмъ дѣламъ, не имѣющимъ политическаго характера, примѣняясь къ ихъ нравамъ и обычаямъ, т. е. установилъ выборное начало, какъ основаніе устройства народно-общественныхъ органовъ власти, но съ устраненіемъ порядковъ вредныхъ интересамъ Россіи.

Выборы на общественныя должности не были извѣстны туземцамъ Туркестанскаго края до введенія этого проекта положенія, т. е., до начала 1868 года. Должностныя лица у сартовъ: аксакалы, раисы, курбаши, казіи, мирабы или арыкь-аксакалы, назначались ханами, беками, а послѣдніе серкерами. Киргизами управляли бій-правители, на основаніи родоваго начала, а судьи-бій избирались заинтересованными сторонами каждый разъ особо; такимъ образомъ выборы были совершенно незнакомы туземцамъ, и потому устройство внутренняго управленія на выборномъ началѣ явилось положительнымъ для нихъ нововведеніемъ. Хотя въ объяснительной запискѣ и сказано, что внутреннее ихъ управленіе должно быть устроено на выборномъ началѣ, примѣняясь къ ихъ нравамъ и обычаямъ; но примѣняться оказалось не къ чему, такъ какъ выборное начало было имъ совершенно неизвѣстно и въ нравахъ, и обычаяхъ ихъ его поэтому не было, да и не могло быть; ибо выборное начало несовмѣстимо съ родовымъ началомъ—одно другое взаимно исключаютъ. Родовое начало держится домашняго очага патріархальнаго быта, основывается на законѣ наследственности; оно обособляетъ семью, колѣно, родъ, племя во единое цѣлое, скрѣпляетъ внутреннюю связь этого цѣлаго и дѣлаетъ его стойкимъ и сильнымъ. Выборное начало напротивъ все сравниваетъ, все сглаживаетъ, кладетъ въ основу всего начало общественности, а въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи ведетъ къ *ослабленію домашняго очага, уничтоженію семьи*

и оставляетъ личность на борьбу за существованіе лишь собственными средствами. Поэтому выборное начало само не могло зародиться у киргизовъ—его можно было только навязать имъ силою господствующей власти ¹⁾).

Такимъ образомъ устройство внутренняго управленія на выборномъ началѣ у сартовъ было для нихъ положительнымъ нововведеніемъ, а у киргизъ кромѣ того потребовалось для этого произвести и нѣкоторую ломку, такъ какъ введеніе выборнаго управленія туземцами обусловлено было отстраненіемъ порядковъ вредныхъ интересамъ Россіи, подѣлъ чѣмъ разумѣлось родовое начало у киргизовъ. Слѣдовательно, выборное начало должно было, устранивъ совершенно родовое начало, замѣнить его собою. Такимъ образомъ выборное начало шло совершенно въ разрѣзъ съ нравами и обычаями киргизъ, примѣняться къ которымъ являлось уже невозможнымъ. Хотя и въ жизни сартовъ нѣкоторые порядки признаны вредными нашимъ интересамъ, и были несовмѣстимы съ нашимъ режимомъ, какова должность блюстителя порядка въ общественной ихъ жизни—райса, имѣвшая строго религіозный характеръ, но она тотчасъ же и была упразднена, и этимъ никакой ломки не было учинено, такъ какъ вмѣсто ея новой должности не было установлено.

Изъ объяснительной записки къ проекту положенія 1867 г., не видно, по какимъ именно соображеніямъ признано полезнымъ и своевременнымъ ввести во внутреннее управленіе туземцевъ выборное начало, а видно только, что признается справедливымъ и необходимымъ предоставить это управленіе самому народу, его выборнымъ; но при этомъ строго избѣгая насильственнаго навязыванія чуждыхъ ему порядковъ и на-

¹⁾ Хотя у киргизовъ средней орды, подвѣдомственныхъ Западной Сибири, въ нынѣшнихъ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ, и прежде существовали выборы на общественныя должности; но выборы эти не вытекали изъ народнаго быта, а введены въ управленіе киргизами русскою властію по уставу о сибирскихъ киргизахъ 1822 г., составленному графомъ Сперанскимъ. Участіе въ этихъ выборахъ было предоставлено всѣмъ султанамъ, киргизамъ, имѣющимъ за службу чины, медали и почетные кафтаны, аульнымъ старшинамъ, почетнымъ бѣямъ и зажиточнѣйшимъ киргизамъ по 5 изъ cadaго аула. Плоды этихъ выборовъ были очень горьки. Русская власть признавала это, но терпѣла до 1886 г., когда они были измѣнены по системѣ, нынѣ практикующейся въ Туркестанскомъ краѣ.

прасной ломки его жизни, а напротивъ, примѣняясь къ его правамъ и обычаямъ. (Проектъ л. 131).

Также недостаточно ясно и полно мотивировано въ ней, почему именно нужно было устранить родовое начало, тамъ сказано только, что оно ведетъ къ образованію вредной для насъ туземной аристократіи.

Выборы при правильной постановкѣ дѣла, согласованные съ мѣстными и бытовыми условіями, съ характеромъ и степенью развитія народа, конечно, служатъ лучшей гарантіей и лучшимъ способомъ вручить мѣстную полицейско-хозяйственную и судебную власти лицамъ наиболѣе благонадежнымъ, правоспособнымъ и пользующимся довѣріемъ населенія; но совершенные по образцамъ, выработаннымъ европейской цивилизаціей, примѣняясь къ идеалу общественнаго самоуправленія цивилизованныхъ народовъ, они могутъ дать полудикому народу результаты противоположные и, конечно, нежелательные. Составители проекта, какъ видно, и желали съ подобающей осторожностью ввести самоуправленіе въ внутреннюю жизнь туземцевъ въ мѣрѣ его соотвѣтствія ихъ понятіямъ, правамъ и обычаямъ, отнюдь не навязывая чуждыхъ имъ порядковъ и не производя ломки ихъ жизни. На самомъ дѣлѣ вышло какъ разъ напротивъ: выборное начало навязало туземцамъ чуждые имъ порядки и произвело коренную ломку ихъ жизни. А главное вмѣсто предполагаемаго благодѣянія туземцамъ, вмѣсто ожидаемаго цивилизующаго вліянія на общественный бытъ, вмѣсто правильнаго развитія общественной жизни, выборы въ настоящемъ ихъ видѣ внесли въ ихъ жизнь лишь порчу нравовъ, развратъ и разореніе.

Съ цѣлью вручить общественную власть истиннымъ избранникамъ народа, желая дать населенію возможность выразить для этого дѣйствительное свое мнѣніе, проектъ положенія призналъ необходимымъ, по мотивамъ объяснительной записки, чтобы право выбора принадлежало всему народу, а не составляло привилегію извѣстныхъ классовъ, какъ это было установлено для киргизъ средней орды вѣдомства Западной Сибири, гдѣ правомъ выбора пользовались только султаны, киргизы, имѣющіе чины, медали, почетные кафтаны, аульные старшины, почетные бѣи и зажиточнѣйшіе киргизы по пяти изъ cadaго аула. А такъ какъ допустить къ выборамъ всю массу народа было бы неудобно, ибо это подало бы поводъ къ безпорядкамъ, и не принесло ожидаемой пользы, то

установленъ былъ слѣдующій порядокъ выборовъ: разбивъ уѣзды (по мѣстности) на волости, волости на аулы, проектъ положенія установилъ: а) что въ каждомъ аулѣ хозяева 10-ти кибитокъ назначаютъ одного избирателя; сходъ этихъ избирателей выбираютъ аульнаго старшину; б) въ каждой волости хозяева 50-ти кибитокъ назначаютъ одного избирателя или пятидесятника; сходъ пятидесятниковъ избираетъ волостнаго управителя и народныхъ судей. Такой порядокъ, говорится въ объяснительной запискѣ (л. 152), устраняя привилегію, сравниваетъ состоянія, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ принятъ народомъ съ благодарностью, что населеніе получитъ возможность избирать въ мѣстное управленіе лицъ, дѣйствительно пользующихся его довѣріемъ и уваженіемъ.

Очевидно, составители проекта глубоко и искренно вѣрили, что переустройство туземныхъ обществъ на новыхъ началахъ совершенно соотвѣтствуетъ понятіямъ, характеру и обычаямъ туземцевъ и поведетъ къ водворенію въ нихъ порядка и гражданственности и къ упроченію благосостоянія населенія. Предположенія и ожиданія степной комиссіи совершенно не оправдались.

Разсмотримъ прежде устройство на выборномъ началѣ киргизскихъ обществъ.

Киргизы были разбиты на волости, волости на аулы; и волости и аулы организованы были не по родамъ, а по мѣстности: по арыкамъ, по долинамъ, по озерамъ и урочищамъ. Волости состояли изъ 6 до 12 ауловъ; или отъ 1.000 и даже отъ 800 и 900 кибитокъ до 2.000 и болѣе; аулы состояли изъ 70 до 250 кибитокъ. Если по какой-нибудь долигѣ, или по какому-либо арыку кочевало отъ 800 до 1.500 кибитокъ, то изъ нихъ и организована была одна отдѣльная волость. Если же на данной мѣстности кочевало болѣе 1.500 кибитокъ, то, по усмотрѣнію организаторовъ, образовывалось двѣ или три волости, совершенно независимо отъ того, — къ одному роду принадлежали организуемые киргизы, или къ разнымъ. Такимъ образомъ, если на данной мѣстности кочуютъ 1000 кибитокъ, хотя бы разныхъ родовъ, то они составляютъ одну волость; если кочуетъ болѣе 2.000 кибитокъ, хотя бы одного рода, изъ нихъ составляются двѣ или три волости. Также по мѣстности образованы были и аулы.

При этой новой организаціи киргизскихъ обществъ прежніе родовые аулы, подъотдѣленія, отдѣленія и роды ни въ какой

разсчетъ не принимались. Образованные такимъ образомъ, аулы и волости разбиты были на десятки и пятидесятки, которые составляли только избирательную единицу, т. е. 10 кибитокъ или, юрто-владѣльцевъ, назначали одного избирателя или десятника, а пятидесятки тоже одного избирателя—пятидесятника. Первые, т. е. десятники, выбирали аульнаго старшину, а вторые выбирали волостнаго управителя и биевъ. Такимъ образомъ старое родовое зданіе киргизскихъ обществъ было разрушено до основанія и возведено совершенно новое на другомъ фундаментѣ и по иному плану.

Произведенные въ первый разъ выборы дали результаты хорошіе. Народъ еще жилъ родовымъ духомъ, еще святы были для него преданія старины глубокой, еще крѣпки были обычаи отцовъ и дѣдовъ—и на общественныя должности выбраны прежніе родоправители, бии и почетные аксакалы. На слѣдующихъ выборахъ уже выступили честолюбцы, корыстолюбцы и явились партіи, обусловливаемые родовымъ началомъ и условіями мѣстности, а также партіи отдѣльныхъ честолюбцевъ и корыстолюбцевъ. Началась борьба, интрига партій. Каждый родъ во что бы то ни стало старался провести на должность волостнаго управителя своего сородича. Партія, преобладающая по количеству кибитокъ, или располагающая большими средствами, беретъ перевѣсъ. На послѣдующихъ выборахъ уже явились подкупы избирателей и подкопы претендентовъ другъ противъ друга; народныя страсти разгорались болѣе и болѣе.

Претенденты во что бы то ни стало, хотѣли добиться своего выбора: подкупы усилились до громадныхъ размѣровъ—претенденты сорили деньгами, лѣзли въ долги, раззорялись, чтобъ только подкупить на свою сторону избирателей. Были примѣры, что выборы волостнаго обходились этому несчастному счастливцу въ десятки тысячъ рублей, обыкновенно же требовалось для этого расхода отъ 2 до 3 тысячъ рублей. Когда же и подкупы не достигали своей цѣли, то противники обращались къ подкопамъ. Претенденты стали доносить другъ на друга лично или чрезъ своихъ партизановъ. Доносили по начальству и прокурору или въ судъ; взводили на противника обвиненія въ уголовномъ преступленіи, подставляли свидѣтелей, ни боясь отвѣтственности за ложный доносъ, лишь бы достигнуть своей цѣли—подвести своего противника подъ слѣдствіе, и такимъ образомъ, какъ подслѣдственнаго, отвести его

отъ участія на выборахъ. Если противникъ подвергнется наказанію по суду, хоть бы аресту на время свыше недѣли или денежному взысканію свыше тридцати рублей, то на основаніи 83 ст. Полож. объ управл. Турк. края, онъ уже навсегда лишенъ права занимать по выборамъ общественныя должности—и цѣль доноса достигнута. Если же противникъ судомъ будетъ оправданъ, или за отсутствіемъ уликъ, дѣло будетъ прекращено, то все же, какъ подслѣдственный, или состоящій подъ судомъ, онъ лишенъ былъ права баллотироваться на выборахъ на общественную должность—цѣль доноса и въ этомъ случаѣ была достигнута, и доносчикъ очень часто торжествовалъ, былъ избираемъ на должность волостнаго, или народнаго судьи, и вступалъ въ исправленіе должности, пока его самого по доносу противной стороны не устранили отъ должности и не отдавали подъ слѣдствіе и судъ.

Большая часть такихъ дѣлъ кончалась прекращеніемъ за недостаткомъ противъ обвиняемаго уликъ и по большинству изъ этихъ дѣлъ возбуждалось противъ доносителей уголовное преслѣдованіе за ложный доносъ. По многимъ изъ этихъ дѣлъ, обвиняемые доносчики чистосердечно сознавались, что они ложно оговаривали такого-то, что это они сдѣлали съ цѣлію устранить его отъ выборовъ, что они поступили такъ по подговору такого-то; но что теперь они съ нимъ помирились. Такихъ лжедоносчиковъ судъ, въ виду ихъ чистосердечнаго признанія, ихъ крайняго невѣжества, а также и по мягко-сердію своему, приговаривалъ, обыкновенно, къ шестимѣсячному тюремному заключенію; большинству же не сознающихся лжедоносчиковъ удавалось избѣгать наказанія, такъ какъ законъ караетъ только умышленно-ложный доносъ; доказать же, что доносъ былъ умышленно-ложный, довольно трудно—и потому многіе лжедоносы остаются не наказанными, а это только поощряетъ практиковать такой способъ выборной борьбы между противниками.

И вотъ предъ выборами и во время самыхъ выборовъ, а даже иногда и послѣ выборовъ, администрація, прокуроры и судьи бываютъ завалены такими кляузными дѣлами. Случалось, что выборныя страсти противныхъ партій до того разгорались, что одна партія убивала кого-нибудь не только посторонняго, даже человѣка изъ своей партіи и подбрасывала трупъ къ аулу противника и обвиняла его въ этомъ убій-

ствѣ—такихъ случаевъ было нѣсколько въ послѣдніе годы въ Сыръ-Дарьинской области.

Иногда выборная борьба принимала другой буйный характеръ, враждующія партіи становились одна противъ другой, какъ два враждебные лагеря и, несмотря на присутствіе самого уѣзднаго начальника или его помощника, или участковаго пристава, бросались въ драку съ употребленіемъ палокъ, каменьева и ногаекъ и хотѣли силою разрѣшить спорный вопросъ, при чемъ русская власть оказывалась безсильною возстановить порядокъ — и, чтобы усмирить буйную, разъяренную толпу, и прекратить неурядицу останавливала на время выборы. Очень много выборовъ проходило сравнительно мирно, за то почти съ открытымъ подкупомъ избирателей. Но выборная борьба не прекращалась съ окончаніемъ выборовъ—она продолжалась и послѣ нихъ: на волостнаго, или народнаго судью поступали жалобы или доносы на разныя злоупотребленія властію, но преимущественно, на лихоимство и вымогательство, и очень часто должность переходила, по распоряженію власти, къ кандидату обвиняемаго.

Благодаря этимъ выборнымъ безобразіямъ, хорошіе, степные киргизы стали сторониться отъ выборовъ и не только сами не выступали кандидатами на выборы, но и уклонялись отъ всякаго въ нихъ участія. Такимъ образомъ, выборы развиваютъ у киргизъ подкупы, продажничество, кляузничество, лжесвидѣтельство, внесли въ ихъ среду не родовую только, но внутреннюю, такъ сказать, домашнюю злобную вражду, ведутъ ихъ, несомнѣнно, къ доморализаціи нравовъ и, наконецъ, даютъ киргизамъ на должности волостныхъ управителей и народныхъ судей, за малымъ исключеніемъ, только честолюбцевъ и корыстолюбцевъ.

Выбранные при помощи подкуповъ, кляузничества и лжедоносовъ, волостные управители конечно не могутъ пользоваться уваженіемъ, довѣріемъ и надлежащимъ значеніемъ какъ въ своей волости, такъ и въ глазахъ начальства. Выбранные благодаря продажности избирателей, или насилію надъ сопротивниками, они едва-ли могутъ чувствовать себя прочно и твердо на своихъ должностяхъ. Не пользуясь ни довѣріемъ начальства, ни уваженіемъ населенія, они все усиліе употребляютъ, во 1-хъ, на то, чтобы вознаградить себя по возможности скорѣе за произведенные на выборахъ расходы, и во 2-хъ, на чрезмѣрную и безграничную угодливость начальству. При

этихъ выборныхъ раздорахъ, кляузничествѣ и интригахъ между партіями населенія, начальство остерегается и старается никому не вѣрить, но по слабости людской и при ловкости и смысленности нѣкоторымъ волостнымъ удается задобрить начальство, снискать его благорасположеніе—тогда эти волостные уже дѣйствуютъ смѣлѣе и озабочиваются объ успѣхѣ для себя на будущихъ выборахъ; о народномъ же интересѣ мало радѣютъ, развѣ по прямому указанію начальства.

Таковы результаты либеральной, гуманной, въ высшей степени благонамѣренной, но кабинетной и нѣсколько поспѣшной выборной организаціи мѣстнаго народнаго управленія у киргизовъ. Относительно выборовъ народныхъ судей будетъ сказано ниже, когда рѣчь дойдетъ до народныхъ судовъ, а теперь можно сказать, что результаты этихъ послѣднихъ выборовъ еще болѣе плачевны.

Итакъ выборы у киргизовъ принесли неутѣшительные результаты, а между тѣмъ они разрушили до основанія родовую бытъ киргизовъ. Была ли въ этомъ дѣйствительная надобность? Нельзя ли было нѣсколько согласовать выборы съ родовымъ бытомъ, примирить эти два, хотя въ существѣ своемъ противоположныя начала? И дѣйствительно ли родовое начало несовмѣстимо съ государственнымъ началомъ и вредно интересамъ послѣдняго. Какъ объяснительная записка къ проекту положенія 1867 г., такъ и послѣдующія записки къ проектамъ 1873 года, 1881 и 1886 гг. не даютъ полнаго и прямого отвѣта. Объяснительная записка къ проекту 1867 года обмолвилась только, что соединеніе большаго рода подъ властію одного родоначальника можетъ быть вредно въ политическомъ отношеніи.

Бывшій степной генераль-губернаторъ генераль Колпаковский въ представленномъ имъ въ 1884 году высшему правительству докладѣ о мѣстномъ туземномъ управленіи, между прочимъ, высказалъ, что родовое начало безопасно въ политическомъ отношеніи и само по себѣ полезно. Въ поясненіе и развитіе этого положенія генераль Колпаковский говоритъ, что исторія всѣхъ трехъ ордъ свидѣтельствуетъ, что родовой строй киргизскаго народа не только не служилъ къ усиленію политической власти султанской касты, но и былъ непреодолимымъ тому препятствіемъ. Всѣ усилія способнѣйшихъ ея представителей, нѣкоторыхъ хановъ, сплотить племена и роды въ одно прочное политическое цѣлое—не привели ни къ чему, разби-

вались о политическій индифферентизмъ киргизовъ, о раздробленность ихъ на группы, обособленные родовымъ бытомъ. Вслѣдствіе разбросанности для пастбы скота на огромныхъ пространствахъ, у нихъ ослабѣла связь даже между родами одного племени, кочующими очень часто попеременно съ родами другого племени; только родъ представляетъ собою прочно связанную общественную группу; но роды эти такъ малы, что никоимъ образомъ не могутъ быть опасными въ политическомъ отношеніи.

Этотъ глубокоуважаемый генералъ—безспорно авторитетнѣйшій судья по вопросамъ о туземцахъ Туркестанскаго края. Онъ тридцать лѣтъ управлялъ туземцами, то какъ начальникъ Алатавскаго округа, то какъ военный губернаторъ Семирѣченской области, то какъ исправляющій должность Туркестанскаго генералъ-губернатора и, наконецъ, какъ степной генералъ-губернаторъ, и основательно изучилъ киргизскій бытъ, ихъ нравы и обычаи. Но и помимо авторитетности его мнѣнія, съ нимъ нельзя не согласиться и по его существу. Киргизы никогда не составляли самостоятельнаго цѣльнаго государства. Послѣ распадѣнія монгольскаго ханства въ половинѣ XV в., киргизы заняли нынѣшнюю киргизскую степь и блуждали и бродили по ней въ хаотическомъ безпорядкѣ, пока не разобрали по родамъ степь на зимнія стойбища или зимовки. При этомъ, конечно, не было добровольнаго, полюбовнаго размежеванія или раздѣла; а кто раньше занялъ урочище, тотъ и правъ; какой родъ посильнѣе, тотъ и захватилъ побольше земли для зимовки; кто же запоздалъ и не достаточно силенъ, тотъ и удовольствовался тѣмъ, что осталось. Затѣмъ начались раздоры, вражда между родами за зимнія стойбища, за болѣе удобныя урочища. Зимовки переходили отъ одного въ другой родъ, пока не улеглась вражда и пока извѣстныя болѣе или менѣе опредѣленныя мѣста для зимовокъ и лѣтовокъ не установились за извѣстными родами. Съ распредѣленіемъ зимовокъ и лѣтовокъ по родамъ, у киргизовъ установился вмѣсто бродячаго болѣе нормальный кочевой образъ жизни—отъ зимовокъ (кстау) къ лѣтовкамъ (яйлау) и отъ лѣтовокъ къ зимовкамъ. Не такъ какъ все благосостояніе киргизъ заключается въ скотоводствѣ, то прокормленіе скота, уходъ за нимъ составляетъ главную заботу, главную задачу киргизъ, можно сказать, ихъ цѣль жизни,—и потому главный интересъ ихъ сосредоточенъ только въ ихъ зимовкахъ и лѣтовкахъ. Поэтому киргизскіе

роды выдѣлились въ особыя группы по мѣстностямъ, обособились на столько, что почти не чувствуютъ и не сознаютъ общей связи и общихъ интересовъ съ другими родами. Киргизы, какъ очень любопытный народъ, страстно любятъ всякія новости, живо интересуются всяческими разсказами и новостями изъ волостей другихъ родовъ и потому хорошо знаютъ, что дѣлается въ кочевьяхъ другихъ родовъ даже въ отдаленныхъ мѣстностяхъ; но тѣмъ не менѣе никакого участія въ жизни другъ друга никогда не принимали, а только постоянно враждовали за земли, за скотъ и по разнымъ свадебнымъ и семейнымъ недоразумѣніямъ. Баранта и чебары были обыкновенное и чуть не обыденное между ними явленіе.

За все время киргизской безурядицы съ половины XV вѣка до нашихъ временъ у киргизъ были и свои ханы. Но, не смотря на громадную популярность вѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ султанъ Касымъ-ханъ (1520 г.) Тевеккель-ханъ въ началѣ XVІІ вѣка, Тявка-ханъ (1718 г.) и въ началѣ XIX вѣка Аблай-ханъ, а еще позднѣе въ сороковыхъ годахъ Кеннисарабатырь,—имъ не удалось сплотить киргизъ во-едино и организовать изъ нихъ единое цѣлое государство,—всѣ ихъ усилія разбились о родовую обособленность киргизовъ. Около нихъ группировались громадныя полчища, которыя они водили противъ Джунгаріи, китайцевъ, кокандцевъ и бухарцевъ—но это были скопища бродячихъ людей, удалыхъ наѣздниковъ, не спокойныхъ джигитовъ, которые, по минованіи походовъ противъ враговъ, расходились, оставляя при ханахъ лишь кучку туленгутовъ и преданныхъ и вѣрныхъ джигитовъ. Киргизы—по обычаю давали отъ cadaго рода султанамъ извѣстное количество лошадей, барановъ, верблюдовъ, рогатаго скота, но этимъ и ограничивались ихъ отношенія. Они не судили, не рядили киргизовъ—они были только представителями и уполномоченными ихъ для внѣшнихъ сношеній: Ханскія ставки потому и не были центромъ, сосредоточіемъ киргизской жизни,—роды киргизскіе жили своей отдѣльной жизнью совершенно независимо отъ ханской ставки, въ которой они рѣшительно не нуждались, ибо эта ставка ровно ничего имъ дать не могла. Султаны, какъ потомки великаго чингиза, считаются происходящими отъ бѣлой кости, а всѣ киргизы отъ черной, и киргизы ихъ почитали, считали себя обязанными помогать имъ скотомъ; но никакой власти имъ не давали и ни съ чѣмъ къ нимъ не обращались. Роды жили обособленной родовой жизнью

и управлялись сами; но они никогда не проявляли политической жизнедеятельности. Киргизы знали своих ауль-саксакаловъ (акъ-сакаль бѣлобородый), извѣстныхъ вліятельныхъ біевъ и родоправителя. Аксакаль—старшій между ближайшими родственниками, живущими въ одномъ аулѣ. Родоправитель—старшій въ старшей семьѣ, издревле посвятившій себя на служеніе своему роду. Въ случаяхъ болѣе или менѣе важныхъ его окружали почетные, т. е. пользующіеся по своему уму и знанію закона, или адата, вліяніемъ на народъ, аксакалы; но никто изъ нихъ не дерзалъ вступать въ его власть, освященную и установленную вѣковымъ обычаемъ. Родоправитель, говоритъ въ своемъ мнѣніи генераль Колпаковский, представлялъ собою не отвлеченный принципъ власти, а старшаго между родными, естественнаго защитника и регулятора родовыхъ интересовъ своихъ сородичей. Всѣ сородичи входили въ его юрту, какъ въ родное жилище, гдѣ всякій голодающій получалъ пищу и всякій разорившійся—матеріальную поддержку или работу, но не какъ нанять, или батракъ, а какъ несчастный родственникъ, надѣющийся и приобретающій право получить за свой трудъ и извѣстную долю отъ приплода скота и снова сдѣлаться самостоятельнымъ хозяиномъ. Въ этой простѣйшей формѣ общежитія кочевники находили не только защиту отъ враговъ, но и взаимную поддержку въ бѣдѣ и нуждѣ, и въ этомъ заключалась вся суть, вся крѣпость нравственно-экономической связи родового быта.

Выборы порвали эту связь, разрушили этотъ бытъ. Но чтобъ разрушить эту прочную, вѣками освященную, безусловно полезную, родовую связь киргизовъ, необходимы къ тому серьезныя положительныя и убѣдительныя данныя. Пояснительная записка къ проекту положенія 1867 г., какъ и пояснительная записка къ положенію 1886 года, не указываетъ никакихъ данныхъ для уясненія необходимости сокрушить эту благодѣтельную связь.

Выше было сказано, что роды обособились въ отдѣльныя и при томъ небольшія группы и что въ политическомъ отношеніи они были не только не опасны, но скорѣе благонадежны, ибо по характеру своему были консервативны и держались не политическихъ вѣяній, а твердой и сильной власти, въ которой они болѣе всего нуждались для защиты себя и своего скота и установленія у нихъ твердаго порядка. Да еслибы было и не такъ, еслибы киргизы дѣйствительно представлялись нена-

дежными и опасными въ политическомъ отношеніи, то могло ли помочь въ этомъ разрушеніе ихъ родового быта, уничтоженіе ихъ родовой солидарности и нравственно-экономической родовой связи? Совершенно напротивъ! При родовомъ бытѣ легче держать безпокойный киргизскій элементъ въ рукахъ и повиновеніи власти, благодаря родовой солидарности; или въ смутное время легче держать въ рукахъ и цѣлый родъ, благодаря той же солидарности. Киргизы не бросаютъ ни зимовокъ, ни лѣтовокъ своихъ ради цѣлей, не относящихся непосредственно къ ихъ скотоводческимъ интересамъ. А между тѣмъ; чтобъ выступить изъ повиновенія власти и принять участіе въ смутахъ, имъ необходимо прежде всего и заблаговременно отвести свой аулы и свой скотъ въ безопасное мѣсто; но устроить незамѣтно такую общую одновременную перекочевку нельзя: кто-нибудь изъ сосѣднихъ киргизъ другого рода, ради *суюнчи* (подарокъ за извѣстіе) непременно донесетъ, и перекочевку остановятъ. Да и перекочевать-то со всѣми аулами и со всѣмъ скотомъ некуда. Нѣтъ, это невозможно! За все время нашего владычества былъ одинъ примѣръ неблагонадежности рода еще до взятія Ташкента. Послѣ перваго рекогносцировочнаго нашего движенія на Ташкентъ, въ октябрѣ 1864 года, кокандцы, ободрившись нѣсколько отъ нанесеннаго имъ въ Чимкентѣ погрома, стали въ угрожающее намъ положеніе: собрали въ Ташкентѣ массу войскъ, выставили къ Чимкенту передовые наблюдательные посты, только и выжидали удобнаго времени, чтобъ вторгнуться въ наши предѣлы, — что они и сдѣлали въ началѣ декабря. Положеніе наше въ Чимкентѣ было весьма серьезное и затруднительное, и если киргизы сидѣли спокойно на своихъ зимовкахъ, то лишь благодаря недавнему погрому (въ сентябрѣ) еще очень свѣжему въ ихъ памяти, и тому, что родоправители были собраны въ Чимкентѣ и жили въ своихъ юртахъ подлѣ крѣпости. Въ это-то смутное время Джанысовскій родъ, кочевавшій между Чимкентомъ и Шарпахана, кругомъ Казыкурта, сносился съ кокандцами и принималъ и укрывалъ ихъ лазутчиковъ. Узнавъ объ этомъ, генералъ Черняевъ позвалъ бѣя, правителя этого рода, и объявилъ ему, что у Бѣлаго Царя земли и людей много, что только необходимость умиротворить киргизскую степь заставила его занять этотъ край, что поэтому онъ не приневоливаетъ его родъ покориться русскому владычеству и даетъ недѣлю срока, чтобъ его родичи обдумали и окончательно рѣшили этотъ вопросъ, —

и если они не хотятъ покориться Россіи, то чрезъ недѣлю оставили бы свои мѣста и удалились, куда хотятъ: къ кокандцамъ или бухарцамъ. Если же желаютъ быть подданными Бѣлаго Царя, то пусть остаются на своихъ мѣстахъ; но въ такомъ случаѣ онъ требуетъ отъ нихъ полной и безусловной покорности и преданности Россіи, и безъ пощады разгромить весь родъ, если они будутъ продолжать сноситься съ кокандцами и пускать къ себѣ ихъ лазутчиковъ. Чрезъ нѣсколько дней родоправитель и почетные бѣи и аксакалы явились къ нему съ выраженіемъ полной покорности — и съ того момента Джанысовскій родъ сталъ совершенно мирнымъ и не только не укрывалъ лазутчиковъ и не сносился къ кокандцами, но и ловилъ кокандскихъ лазутчиковъ, представлялъ ихъ русскимъ властямъ и проявлялъ при каждомъ случаѣ преданность и усердіе. Такимъ образомъ родовая солидарность, отвѣтственность всего рода за вину одного или нѣсколькихъ сородичей и опасность лишиться родовыхъ зимовокъ и лѣтенокъ, образумила джанысовцевъ и, не смотря на объявленный кокандцами газаватъ, на поднятое ими зеленое знамя пророка, они совершенно отвернулись отъ прежнихъ своихъ владыкъ и всецѣло передались въ подданство Бѣлаго Царя.

✓ Этотъ примѣръ убѣдительно подтверждаетъ, что родовое начало никоимъ образомъ не можетъ быть опасно въ политическомъ отношеніи. Въ первые годы при постоянной почти не прерывавшейся борьбѣ съ кокандцами и бухарцами, завѣдующіе населеніемъ держали при себѣ подвѣдомственныхъ имъ родоправителей — и киргизы сидѣли тихо, смирно и безпрекословно доставляли по требованію власти и лошадей, и верблюдовъ, и арбы, и рогатый скотъ. Также родовая солидарность содѣйствовала весьма много и внутреннему умиротворенію края: киргизамъ объявлено было, что за всякій чебаръ или грабежъ, какъ каравановъ, такъ и вообще проѣзжающихъ и проходящихъ въ степи, и за всякую баранту, будетъ отвѣчать тотъ родъ, въ мѣстѣ кочевокъ котораго совершены чебаръ или баранта — и чебаръ и баранта быстро исчезли. И это не все. Чрезъ родоправителей и почетныхъ, т. е. пользующихся довѣріемъ и уваженіемъ, бѣевъ и аксакаловъ, русская власть легче могла бы вводить въ киргизскую жизнь свои порядки, свои требованія, успѣшнѣе бороться съ мусульманскимъ вліяніемъ татарскихъ муллъ въ степи и успѣшнѣе насаждать русскую грамотность и гражданственность.

Совершенно другая картина представляется въ настоящее время: вмѣсто вліятельнаго и всѣми уважаемаго бѣя-правителя, волостной управитель чрезъ подкупы, интриги, кляузы, доносы и насиліе, пролѣзшій на эту должность; вмѣсто опытныхъ, пользующихся уваженіемъ и довѣріемъ народа, бѣевъ—разный сбродъ наемниковъ тѣмъ же путемъ подкуповъ, кляузъ и доносовъ, захватившихъ судебскую власть и профанирующихъ освященный вѣками судъ по обычаю; вмѣсто почтенныхъ аулъ-аксакаловъ, этихъ патріарховъ, киргизскихъ ауловъ, — аульный старшина, тѣмъ же путемъ подкуповъ и доносовъ ставшій во главѣ административнаго аула. Развѣ могутъ эти наемники замѣнить въ дѣйствительности природныхъ родоправителей, естественныхъ аулъ-аксакаловъ и избранниковъ народа, безъ выборовъ избранныхъ общимъ довѣріемъ народа — бѣевъ. Въ смутное время эти выбранныя должностныя лица были бы совершенно безсильны оказать какое нибудь вліяніе на народъ, ибо не имѣютъ нравственной связи со своей волостью.

Итакъ степная коммисія, постановившая рѣшительное опредѣленіе строго избѣгать насильственнаго навязыванія туземному населенію чуждыхъ ему порядковъ, напрасной ломки его жизни (ст. 131 проек. 1867 г.), а напротивъ предположившая установить общественное устройство и управленіе, по возможности сообразное съ его нравами и обычаями и желавшая путемъ выборовъ дать населенію возможность избирать въ мѣстное управленіе лицъ дѣйствительно пользующихся довѣріемъ и уваженіемъ (ст. 152 того же проекта),—поступила какъ разъ напротивъ и достигла результатовъ совершенно противоположныхъ: она навязала киргизамъ порядки совершенно имъ чуждые и несогласные съ ихъ нравами и обычаями, произвела коренную ломку ихъ жизни, разрушивъ родовой бытъ съ родовой солидарностію и родовой нравственной связью. Благодаря этой ломкѣ и этимъ выборамъ теперь на общественныхъ должностяхъ фигурируютъ люди, не пользующіеся довѣріемъ и уваженіемъ населенія, и вмѣсто родовыхъ группъ, представлявшихъ самый консервативный и благонадежный элементъ въ политическомъ отношеніи, наилучшую и благотворнѣйшую общину,—явился сбродъ киргизовъ безо всякой внутренней связи искусственно собранныхъ въ административные аулы и волости.

Да, нельзя не пожалѣть, что разрушенъ родовой бытъ киргизовъ, этотъ ихъ домашній семейный очагъ, ихъ убѣжище и защита, и введено въ ихъ общественную жизнь выборное на-

чало въ такой неудачной формѣ. Намъ кажется, что введеніе выборнаго начала въ киргизскую жизнь было пропзведено слишкомъ преждевременно и съ ненужной и притомъ крутой ретивостію. И если уже признавалось необходимымъ втиснуть выборное начало въ киргизскую жизнь, то, намъ кажется, слѣдовало бы отнести къ этому съ надлежащей осторожностію и по возможности согласовать его съ родовымъ бытомъ безъ такой коренной ломки послѣдняго. Почему, напримѣръ, не предоставить было почтеннымъ ауль-аксакаламъ выбрать изъ своей среды старшину административнаго аула, а равнымъ образомъ и волостнаго управителя, образовавъ этимъ волость, гдѣ возможно по родамъ, а не по мѣстности. Было бы введено новое общественное устройство киргизовъ и новое управленіе, но родовой бытъ съ родовой солидарностію киргизовъ остался бы почти цѣль и невредимъ. Мы сказали *почти*, потому что могла бы явиться необходимость изъ одного большаго рода сдѣлать двѣ или три волости и вмѣсто родоправителя выбрать волостнымъ другаго изъ ауль-аксакаловъ; родовое начало нѣсколько пошатнулось бы, но и въ этихъ случаяхъ волостной былъ бы избранъ всѣми ауль-аксакалами, а не сбродомъ пятидесятниковъ. Во всякомъ случаѣ, выборы въ настоящемъ ихъ видѣ не должны быть болѣе терпимы и подлежатъ коренному измѣненію. Нельзя не удивляться, что и положеніе 1886 года пропустило ихъ въ томъ же видѣ, безъ измѣненія, между тѣмъ какъ на виду составителей этого положенія имѣлись проектъ 1882 года и ревизіонный отчетъ тайнаго совѣтника Гирса, въ которыхъ достаточно ясно и ярко изображено все выборное безобразіе въ средѣ туземнаго населенія Туркестанскаго края, а также имѣлось въ виду и вышеприведенное мнѣніе генерала Колпаковского, въ которомъ онъ прямо говоритъ, что дѣйствующія положенія объ управленіи въ азіатскихъ областяхъ, населенныхъ киргизами, подрывая родовое начало, вредятъ нравственности и благосостоянію киргизовъ и разстраиваютъ народный судъ, и что общественное управленіе киргизовъ должно быть согласовано съ родовымъ началомъ.

Почти то же самое слѣдуетъ сказать и объ устройствѣ на выборномъ началѣ мѣстнаго управленія осѣдлыми туземцами. Выборное начало также было неизвѣстно и осѣдлымъ туземцамъ; но оно не произвело никакой ломки въ ихъ жизни—оно явилось къ нимъ только нововведеніемъ и притомъ нововведеніемъ, создавшимъ у нихъ общественную жизнь. Но: тѣмъ не

менѣе оно внесло въ ихъ жизнь то же выборное безобразіе, тѣ же подкупы, интриги, кляузы, доносы, жестокую вражду между сартами и таджиками, тѣ же побоища и нерѣдко кровавыя расправы—словомъ ту же деморализацію нравовъ, то же разореніе и такіе же неудовлетворительные результаты. Еслибы устранить поводы къ этимъ безобразіямъ, уничтожить, или, по крайней мѣрѣ, ослабить возможность ихъ, то выборное начало было бы истиннымъ и великимъ благодѣяніемъ для осѣдлыхъ туземцевъ: оно дало имъ общественный строй, общественное управленіе, которыхъ у него не было, и тѣмъ вывело ихъ изъ замкнутости на путь къ прогрессу и цивилизаціи. Выше сказано было, что мѣстная администрація видѣла и признавала эти выборныя безобразія и въ проектахъ 1873 и 1881 годовъ указала нѣкоторыя мѣры къ ихъ устраненію; но составители положенія 1886 г. къ сожалѣнію не обратили на это должнаго вниманія и установили тотъ же неудобный порядокъ выборовъ.

У киргизовъ, какъ уже было выше объяснено, не было организованнаго регламентированнаго суда; ихъ судъ былъ самый простой, самый патріархальный. Киргизъ судился у того, у кого хотѣлъ, кому довѣрялъ. Весьма естественно, что киргизы въ этихъ случаяхъ обращались къ лицамъ, знающимъ ихъ адаты, ихъ обычай и, конечно, пользующимся общимъ довѣріемъ и уваженіемъ; а потому и выходило такъ, что киргизы большею частію избирали судьями однихъ и тѣхъ же лицъ; вслѣдствіе чего за этими лицами и удерживалось званіе судьи. Судьи эти назывались біями, потому и самый судъ, назывался судъ биевъ. Въ сознаніи народномъ высокое и почетное званіе бія присвоивалось тѣмъ немногимъ, которые отличались безукоризненною честностію и съ природнымъ умомъ соединяли полное и глубокое знаніе коренныхъ обычаевъ народа. Бій—это живая лѣтопись преданій старины глубокой и жизни отцовъ и дѣдовъ, историкъ и законовѣдъ народа. Потому киргизы глубоко уважали биевъ и смѣло шли на ихъ судъ. Въ маловажныхъ случаяхъ киргизы обращались съ просьбою разобрать ихъ къ своему бію—правителю, и родоправителю, или бій отдѣленія, единолично разрѣшалъ эти дѣла, но въ болѣе или менѣе серьезныхъ случаяхъ киргизы избирали по нѣскольку биевъ съ обѣихъ сторонъ, которые разбирали дѣло съ участіемъ бія-правителя. Но большею частію разбирательства эти пригонялись къ случайнымъ большимъ сборищамъ по случаю

байги и разныхъ празднествъ или поминокъ. Дѣла разбирались и рѣшались гласно, публично. Гласность суда обусловливалась его публичностію, а публичность основана была на неоспоримомъ и священнѣйшемъ правѣ родичей защищать своего сородича, одноотдѣленца или одноаульца. Проигрышъ послѣднимъ дѣла въ спорѣ съ чужеродцемъ, или съ лицомъ изъ другаго отдѣленія или аула, ложился срамомъ на весь родъ или близкихъ его сородичей и на ихъ отвѣтственность по родовой солидарности, за то и въ выигрышѣ дѣла также участвовалъ весь родъ выигравшаго или всѣ его близкіе сородичи, смотря потому, съ кѣмъ шелъ споръ или тяжба, съ чужеродцемъ, или только съ лицомъ изъ другаго отдѣленія или даже другаго аула. Заступничество за сородича есть высокая добродѣтель, святой долгъ и подвигъ. Поэтому всякій болѣе или менѣе важный споръ, искъ, тяжба между киргизами составляли общественное дѣло, обсуждались и рѣшались съ строгой справедливостію. Публичность суда, кромѣ того, объясняется еще и сильно развитымъ у киргизовъ любопытствомъ, доходящимъ до назойливости. Вслѣдствіе своей однообразной и безсодержательной жизни и при необыкновенно живомъ темпераментѣ, киргизы живо и страстно интересуются каждымъ выдающимся сколько-нибудь событіемъ — и изъ любопытства спѣшатъ на судбище и по дѣлу для нихъ совершенно постороннему. Но самую свѣтлою стороною киргизскаго суда было его постоянное обращеніе къ совѣсти тяжущихся сторонъ, сердечное желаніе примирить ихъ между собою, и потому во время самого разбирательства, или до него, бии и почетные лица стараются подѣйствовать на тяжущихся, внушая имъ, что сынамъ одной народной семьи не слѣдуетъ предаваться тяжбѣ и лучше не доводить дѣло до суда, а раздѣлаться полюбовно. Такое отношеніе къ дѣлу особенно практиковалось тогда, когда по отсутствію ясныхъ доказательствъ трудно было возстановить истину. Рѣшеніе суда было окончательное. Выигравшей сторонѣ, если она желала, выдавалось письменное рѣшеніе съ приложеніемъ къ нему бійскихъ печатей. Бии судили по адату, — издревле отъ отцовъ и дѣдовъ установившемуся обычаю, который служитъ краеугольнымъ камнемъ всей жизни, всѣхъ правоотношеній киргизовъ между собою. Такимъ образомъ судъ биевъ былъ простой, безформенный, гласный, открытый, всѣмъ доступный, всѣмъ понятный, свой, домашній Киргизы цѣнили и дорожили имъ какъ святыней. Мы

опрокинули вверхъ дномъ этотъ истинно-народный судъ. Мы оформили его, дали ему прочную организацію, нѣсколько регламентировали и наименовали его народнымъ!

Степная комиссія въ своей объяснительной запискѣ къ проекту 1867 года говоритъ, что родоначальники успѣли захватить въ свои руки административную и судебную власть. Это не вѣрно. Родоначальникамъ не было надобности захватывать эти власти: какъ бій-правитель---онъ пользовался административной властію по обычаю; какъ родоправитель, какъ глава рода, онъ пользовался и властью судьи, но только тогда, когда къ нему обращались, и считался старшимъ биемъ въ силу того же адата. Это было его естественное право. Но когда тяжущіеся обращались для разбора дѣла къ другимъ лицамъ, или другому лицу, онъ не вмѣшивался; на большихъ же собраніяхъ народа, на большихъ съѣздахъ судъ безъ его участія, какъ старшаго бія, не обходился; но это было, по обычаю, въ порядкѣ вещей, и не было для этого надобности захватывать ему судебскую власть. Но обратимся къ преобразованію суда.

Выше было объяснено, что киргизы не имѣли установленныхъ судей, а кого тяжущіеся по каждому дѣлу избирали себѣ въ судьи, тотъ и былъ на тотъ случай судьей. Проектъ 1867 г. установилъ должности биевъ отъ 4 до 8 на каждую волость и предоставилъ тяжущимся киргизамъ право избирать по взаимному согласію для разбора ихъ дѣла одного или нѣсколькихъ судей, но только изъ числа биевъ, утвержденныхъ правительствомъ. При несогласіи тяжущихся на выборъ биевъ, дѣло рѣшаетъ бій изъ волости отвѣтника по указанію истца, при чемъ отвѣтникъ изъ указанныхъ истцомъ биевъ имѣетъ право отвѣсти только двухъ. По проекту, биемъ можетъ быть всякій неопороченный по суду, не находящійся подъ слѣдствіемъ и имѣющій отъ роду не менѣе 25 лѣтъ. Новый судъ организованъ въ трехъ степеняхъ; первая—бій. разбирающій дѣла на сумму до 100 рублей и рѣшающій ихъ окончательно. Вторая—съѣздъ волостныхъ биевъ, разбирающій дѣла на всякую сумму, но рѣшающій окончательно только до 1.000 руб.; и третья—какъ апелляціонная инстанція — чрезвычайный съѣздъ биевъ, одного или нѣсколькихъ уѣздовъ, рѣшающій дѣла окончательно на всякую сумму.

Біи избирались тѣмъ же порядкомъ, какъ и волостные управители и тѣми же избирателями. Мы уже видѣли какіе это

было выборы; то же безобразіе, какъ на выборахъ волостныхъ, повторяется и здѣсь; тѣ же подкупы, кляузничество, доносы и драка — только въ меньшихъ размѣрахъ.

Проектъ 1867 г., предоставивъ всѣмъ киргизамъ не опороchenнымъ по суду, не послѣдственнымъ и достигшимъ 25 лѣтъ, право быть біемъ, открылъ легкій и свободный доступъ къ этой серьезной должности всѣмъ, не жалѣющимъ денегъ, честолюбивымъ и корыстолюбивымъ личностямъ. Русская власть какъ не вмѣшивается въ производство выборовъ народныхъ судей, такъ не вмѣшивается и въ производство народного суда — и тѣмъ открыла широкій просторъ низкимъ и грубымъ страстямъ подъ покровомъ феиды. Благодаря этому, народный киргизскій судъ, не имѣющій прочнаго, положительнаго закона, не располагающій удовлетворительнымъ составомъ судей, сталъ ареною подкуповъ, кляузничества, сутяжничества, — распадается, извращаетъ и профанируетъ освященный вѣками правдѣдовскій обычай. Вслѣдствіе этого, народъ сталъ избѣгать печатныхъ біевъ, какъ онъ называлъ всѣхъ выбранныхъ и утвержденныхъ правительствомъ біевъ (объясн. зап. къ проекту 1881 г.), и чаще и чаще обращался къ суду третейскому, для котораго тяжущіеся могли избирать судей изъ частныхъ лицъ, а не изъ печатныхъ только біевъ, или откладывалъ свои взаимные споры и претензіи до чрезвычайнаго съѣзда біевъ, который обыкновенно составлялся при каждомъ большомъ стеченіи народа, на байгахъ, по случаю свадебъ, поминковъ, обрѣзаній и пр. Здѣсь тяжущіеся могли свободно избирать для себя судей изъ біевъ всего уѣзда, или нѣсколькихъ волостей, или также составлять себѣ третейскій судъ. Чрезвычайные съѣзды біевъ были поэтому удобнѣе для киргизовъ, чѣмъ суды, да и напоминали имъ свой прежній родной судъ біевъ; потому чрезвычайные съѣзды превратились въ болѣе или менѣе продолжительныя судилища, гдѣ разбиралась масса дѣлъ. Но тѣмъ не менѣе необходимость въ ближайшемъ судѣ этимъ не устранялась — и киргизы волей-неволей судились у печатныхъ біевъ. Жалобами на этотъ судъ были завалены уѣздные начальники, областныя правленія и главный начальникъ края (объяснительная записка къ проекту положенія 1881 г.)

Судъ осѣдлыхъ туземцевъ Туркестана основанъ былъ на шаріатѣ, господствующемъ во всемъ ихъ бытѣ, и потому всегда и совершенно находился подъ вліяніемъ религіозныхъ началъ. Конечно, эти религіозныя начала въ толкованіяхъ ученыхъ му-

сульманскихъ юристовъ — казіевъ, муфтіевъ, аглямовъ, не всегда имѣли твердую устойчивость и, въ случаѣ надобности, поддавались постороннимъ вліяніямъ, какъ вліяніе власти, корысти, вражды и дружбы и пр., но тѣмъ не менѣе сарты глубоко почитали свой судъ и слѣпо повиновались ему.

Казіи — судьи, въ то же время и духовныя лица. Они назначались ханами и беками по испытаніи въ знаніи шаріата и его толкованій мусульманскихъ законовѣдовъ. Судъ казіевъ былъ единоличный; хотя при производствѣ присутствуютъ муфтіи и аглямъ, гдѣ они есть, но присутствіе ихъ не обязательно. Муфтіи составлялъ исковыя просьбы и указывалъ и толковалъ вмѣстѣ съ аглямомъ статьи шаріата, на которыхъ должно быть основано рѣшеніе. Въ рѣшеніи важныхъ дѣлъ могутъ участвовать нѣсколько казіевъ и приложить къ васихѣ (рѣшенія, или опредѣленія казія) свои печати; или къ васихѣ могутъ приложить свои печати и казіи, не участвовавшіе въ разборѣ дѣла, — это дѣлалось и дѣлается по просьбѣ выигравшей дѣло стороны, полагающей, что рѣшеніе будетъ крѣпче и законнѣе, если на васихѣ болѣе печатей. Но въ дѣйствительности по точному и строгому смыслу шаріата, это не имѣетъ существеннаго значенія. Правильно постановленное, исполнѣе согласно шаріата, рѣшеніе казія не можетъ быть не только отмѣнено, но и оспариваемо. Нужно прежде доказать неправильность рѣшенія казія, чтобъ просить о пересмотрѣ дѣла. А чтобъ законнымъ образомъ установить неправильность рѣшенія казія, нужно подвергнуть его изслѣдованію, или разсмотрѣнію ученыхъ законовѣдовъ аглямовъ, муфтіевъ, которые, усмотрѣвъ неправильность, составляютъ о томъ особое ученое постановленіе (ривойятъ), — и если этотъ ривойятъ не будетъ оспоренъ противной стороной такимъ же ривойятомъ, то дѣло можетъ быть пересмотрѣно другимъ казіемъ. Такимъ образомъ судъ казіевъ по точному и строгому смыслу шаріата есть единоличный.

Число казіевъ въ городѣ опредѣлялось бекомъ. Казій не имѣлъ опредѣленнаго судебного раіона, а каждый истецъ или жалобщикъ имѣлъ право обращаться со своимъ дѣломъ къ тому казію, которому онъ больше довѣряетъ. Судъ казія производится гласно, публично. Такъ какъ казіемъ могъ быть только основательно знающій шаріатъ и его толковниковъ, то они всѣ были до фанатизма проникнуты духомъ шаріата, и имѣли на народъ громадное вліяніе. Они проводили въ народъ духъ мусульманской замкнутости, нетерпимости и, конечно, покорные

шаріату, не могли внушать народу духа подчиненія русскому владычеству, примиренія съ нашими порядками и требованіями, — и, потому несомнѣно были вредны и опасны нашимъ интересамъ. Проектъ 1867 г. призналъ лучшимъ средствомъ уменьшить вліяніе казіевъ на народъ, это — предоставить народу свободный выборъ казіевъ, а не изъ числа только мусульманскихъ законовѣдовъ, и требуя отъ кандидата только, чтобъ онъ былъ не моложе 25 лѣтъ и не подъ судомъ и слѣдствіемъ; а также ограничить предѣлы власти казія извѣстнымъ судебнымъ райономъ и цѣною исковъ.

Производство выборовъ на должность казія производилось тѣмъ же порядкомъ, какъ и біевъ у киргизовъ съ тѣми же, даже большими, выборными безобразіями, — результаты получались, разумѣется, не блестящіе. Но сарты, воспитанные въ духѣ шаріата, въ духѣ религіозныхъ міровоззрѣній, не могли отрѣшиться отъ мысли, что казіи должны быть строгіи мусульманины и основательно знающіи шаріатъ, потому и выбирались казіями лица болѣе или менѣе подходящіе. Тѣмъ не менѣе выборное начало и ограниченіе власти казіевъ принесли ожидаемые результаты въ томъ отношеніи, что дѣйствительно нѣсколько уменьшили ихъ пагубное фанатическое вліяніе на народъ. Одно то обстоятельство, что казіи получали свою власть отъ самого народа, слѣдовательно оказались въ нѣкоторой зависимости отъ него, не могло не повліять на ослабленіе ихъ вліянія, ихъ престижа. Но полное невмѣшательство русской администраціи въ дѣятельность народныхъ судовъ, почти полное игнорированіе ихъ, принесло и здѣсь печальные результаты и помогло казіямъ сохранить въ значительной степени ихъ вліяніе на народъ и сосредоточить въ своихъ рукахъ еще большую силу. Проектъ 1867 г. установилъ двѣ степени суда казіевъ: 1) Судъ казія единоличныи и 2) съѣздъ казіевъ. Дѣла раздѣлены были между ними по цѣнѣ исковъ и по важности уголовныхъ дѣлъ; но дѣла рѣшали обѣ инстанціи окончательно, безапелляціонно, и казіи не зависѣли отъ съѣзда. Неотмѣняемость рѣшеній казіевъ, безконтрольность ихъ дѣйствій, благодаря полному невмѣшательству администраціи, усилили положеніе казія болѣе, чѣмъ оно было въ кокандскія времена. Казіи скоро сознали свою силу и, опираясь на всемогущій шаріатъ, стали придерживаться болѣе своего благоусмотрѣнія. Благоусмотрѣніе растяжимо и мало по малу перешло въ произволъ. Не сдерживаемые ни муфтіями,

ни аглями, ни страхомъ начальства, казіи стали болѣе прислушиваться къ вліяніямъ дружбы и личныхъ чувствъ и отношеній, чѣмъ строгихъ указаній шаріата. Русская администрація, въ виду повсемѣстныхъ и весьма серьезныхъ непорядковъ, признавала невозможнымъ оставить судъ казіевъ въ такомъ положеніи и проектировала нѣкоторыя мѣры къ устраненію его недостатковъ (проектъ 1881 г.) Нынѣ дѣйствующее положеніе (1886 г.) однако не только не исправило недостатковъ народнаго суда, но даже усилило этотъ судъ, давъ ему нѣсколько подходящую къ нашему мировому суду организацію. Отмѣнивъ званія бія и казія и замѣнивъ ихъ званіемъ „народный судья“, оно установило двѣ инстанціи народнаго суда: 1) единоличный судъ—народный судья; 2) съѣздъ народныхъ судей, какъ апелляціонная инстанція. Народный судья разбираетъ и рѣшаетъ дѣла на всякую сумму и по всѣмъ преступленіямъ подсуднымъ народному суду, но рѣшеніе его окончательно на сумму только до 30 руб. и до 7 дней ареста. Недовольные неокончательнымъ рѣшеніемъ судьи обжалуютъ его въ съѣздъ народныхъ судей, который рѣшаетъ дѣло окончательно на всякую сумму. Народный судъ можетъ приговорить въ тюрьму на 18 мѣсяцевъ и денежному взысканію до 300 руб., приговоры и рѣшенія съѣзда окончательны. Подсудность дѣлъ опредѣляется: гражданскихъ—по мѣсту жительства отвѣтчика, уголовныхъ—по мѣсту совершенія преступленія.

Такимъ образомъ на мѣстѣ суда біевъ и суда казіевъ выросъ оформленный, регламентированный народный судъ, нѣсколько примѣненный къ нашему мировому суду.

Нельзя было бы этой реформѣ не сочувствовать и смѣло можно было бы ожидать отъ нея самыхъ плодотворныхъ, благотѣльныхъ результатовъ, еслибы придать къ этой формѣ и законъ твердый, и точно опредѣленный, и составъ судей благонадежный, удовлетворительный, изъ лицъ свѣдущихъ, опытныхъ и уважаемыхъ, и еслибы вселить въ него духъ прежняго суда біевъ—родственный, отеческій, миролюбивый. Къ сожалѣнію, положеніе 1886 г. только тѣмъ и ограничилось: оформивъ народный судъ, оно предоставило туземцамъ судиться, какъ они знаютъ, одни по обычаю, другіе по шаріату, и не указало никакихъ мѣръ, ни къ устраненію выборныхъ безобразій, ни къ упорядоченію личнаго состава суда. У киргизовъ положительнаго писаннаго закона нѣтъ; адаты ихъ есть устное преданіе, не вездѣ и не во всемъ между собой согласное, а въ

нѣкоторыхъ вопросахъ варіируемое въ разныхъ мѣстностяхъ на разные лады. Это предоставляетъ, при полной независимости и самостоятельности народнаго суда, широкій просторъ благоусмотрѣнію и произволу судей. Хотя положеніе и установило двѣ инстанціи народнаго суда—но это не имѣетъ большаго существеннаго значенія: съѣздъ народныхъ судей, если и отмѣняетъ рѣшеніе единоличнаго судьи,—хотя очень рѣдко, то и тогда по большей части по мотивамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ сознаніемъ законности или чувствомъ справедливости. Положеніе только въ одномъ случаѣ допускаетъ отмѣну рѣшенія съѣзда народныхъ судей, именно: когда они постановлены съ превышеніемъ власти или по дѣламъ ему не подсуднымъ; но оно не опредѣлило точно, въ чемъ именно должно заключаться это превышеніе власти. При отсутствіи же положительнаго писаннаго закона превышеніе власти со стороны судьи можетъ выразиться лишь въ наложеніи наказанія свыше 18 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, или свыше 300 рублей штрафа, или въ наложеніи наказанія за такое дѣяніе, которое по существу своему законное и не можетъ быть преступленіемъ. Такъ иногда случалось, что съѣздъ по жалобѣ одной изъ сторонъ на рѣшеніе судьи усиливаетъ положенное жалующемуся наказаніе, напр., вмѣсто мѣсяца ареста присуждаетъ на три, на пять и болѣе мѣсяцевъ, или присуждаетъ съ него въ пользу истца болѣе, чѣмъ присудилъ судья, и взыскиваетъ поэтому больше бѣйлика (плата 10% съ цѣны присужденной суммы въ пользу суда)—только зато, что онъ осмѣлился жаловаться на рѣшеніе судьи; а также нерѣдко случается, что съѣздъ рѣшаетъ дѣло въ отсутствіе и даже безъ вызова сторонъ, и безъ спроса и вызова указанныхъ свидѣтелей. Въ такихъ случаяхъ, по представленію уѣзднаго начальника и по протесту прокурора, областной судъ, на основаніи 216 ст. положенія, отмѣняетъ рѣшеніе съѣзда народныхъ судей и передаетъ дѣло на новое разсмотрѣніе съѣзда. А также приговоры и рѣшенія съѣзда по дѣламъ ему неподсуднымъ, областной судъ, по протесту прокурора, отмѣняетъ и дѣло направляетъ въ подлежащій судъ, или въ подлежащее учрежденіе. Вотъ единственные случаи вмѣшательства администраціи и русскаго суда въ судопроизводство народнаго суда. Когда же народный судья, или съѣздъ приговаряетъ виновнаго за маловажный поступокъ къ тяжкому или тягчайшему наказанію, хотя бы къ

заключенію въ тюрьмѣ на 18 мѣсяцевъ, или къ штрафу въ 300 руб., тогда какъ по русскому закону можно было подвергнуть за это его лишь аресту на нѣсколько дней или штрафу въ нѣсколько рублей,—ни русская административная власть ни судъ областной ничего не могутъ сдѣлать, такъ какъ здѣсь, нѣтъ со стороны народнаго суда превышенія власти; ибо ему дано неограниченное право налагать наказаніе не свыше 18 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія и 300 руб. штрафа, независимо опредѣленія вознагражденія за вредъ и убытки. Здѣсь можно было бы видѣть злоупотребленіе властію, и администрація могла бы, на основаніи 229 ст. того же положенія, привлечь за это судей къ отвѣтственности; но подобныхъ случаевъ за все время не было.

Такимъ образомъ киргизскій народный судъ, не имѣющій положительнаго закона, ни точныхъ и твердыхъ правилъ и обрядовъ судопроизводства, предоставленъ самому себѣ—и неграмотные, малосвѣдущіе и неотличающіеся чувствомъ справедливости, сознаніемъ долга и законности, его судьи судятъ и рѣшаютъ не столько по обычаю, который они знаютъ не больше, какъ и каждый заурядный киргизъ, сколько по благоусмотрѣнію и произволу. Сартовскій народный судъ, хотя и имѣетъ свой казуистическій шаріатъ, но также легко доступенъ чувствамъ и отношеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ чувствомъ законности и справедливости. Безчисленное множество жалобъ, которыми завалены уѣздные начальники, военные губернаторы, главный начальникъ края, а также прокуроры и суды, свидѣлствуютъ о подкупахъ въ народныхъ судахъ, о невѣжествѣ и слишкомъ смѣломъ произволѣ судей. Такое печальное состояніе народныхъ судовъ слѣдуетъ отнести къ неудобной системѣ выборовъ, къ полной самостоятельности и безконтрольности ихъ дѣйствій и къ невмѣшательству русской власти въ отправленіе ими правосудія. Не вмѣшиваясь въ дѣятельность народныхъ судовъ, при всей явной ея неудовлетворительности, русская власть рассчитывала, что туземцы, видя безобразіе своихъ судовъ, полную несостоятельность и неудовлетворительность своихъ судей, чаще будетъ обращаться въ русскій судъ,—что чѣмъ хуже, чѣмъ ниже будетъ стоять народный судъ въ глазахъ самого народа, тѣмъ выше поднимется въ глазахъ его русскій судъ—и туземцы сами, добровольно, скорѣе промѣняютъ свой судъ на нашъ, легче и охотнѣе будутъ усваивать наши порядки и напу гражданствен-

ность и ассимилироваться съ нами. Но такія розовыя надежды до настоящаго времени не оправдались. Несмотря на высокое сравнительно съ ними достоинство нашихъ судей и нашихъ судовъ, туземцы добровольно нейдутъ къ нимъ судиться (т. е. по дѣламъ, подсуднымъ народному суду), по крайней мѣрѣ до сего времени неизвѣстно ни одного такого факта. Несмотря на крайнюю несостоятельность и неудовлетворительность своихъ судовъ, туземцы, при всемъ неудовольствіи на своихъ судей, идутъ къ нимъ судиться и не думаютъ о русскомъ судѣ. Такимъ образомъ цѣль не виѣшательства въ дѣятельность народныхъ судовъ не достигнута, а между тѣмъ русская власть, благодаря этому только не виѣшательству, стоитъ въ глазахъ туземцевъ въ крайне незавидномъ положеніи, какъ въ отношеніи выборовъ, такъ и въ отношеніи народныхъ судовъ. Туземцы убѣждены, что русская власть хорошо знаетъ о всѣхъ безобразіяхъ на выборахъ и въ народномъ судѣ,—и только не понимаютъ, почему противъ этихъ безобразій не принимается никакихъ мѣръ; они удивляются, почему выбранные на должности волостныхъ правителей и народныхъ судей при помощи подкуповъ, кляузничества, доносовъ, или буйнаго насилія одной партіи надъ другой, — утверждаются русскою властію въ этихъ должностяхъ? Почему народные судьи не смѣняются, несмотря на явно предосудительное, недобросовѣстное отправленіе ими правосудія?—и объясняютъ это по-своему—слабостію и безсиліемъ русской власти. Такой убѣжденный взглядъ не можетъ не отражаться на престижѣ русской власти. Власть, по сознанію туземцевъ, должна быть сильна и непоколебима. По ихъ понятіямъ, она должна быть вооружена полномочіемъ и достаточною силою, остановить всякое нарушеніе закона, возстановить всякое нарушенное право, защищать всякаго и отъ всякой неправоты и всякаго насилія. Такую власть туземцы высоко цѣнятъ, почитаютъ и безусловно ей покоряются. Они, несмотря на наше 25-лѣтнее управленіе, все еще не могутъ понять той педантической формальности, чтобъ власть могла стоять спокойно на своемъ посту, когда изъ сосѣдняго участка раздаются крики: „караулъ, грабятъ, ловите вора!“ Они не понимаютъ того, чтобъ уѣздный начальникъ не могъ остановить явно и возмутительно несправедливаго рѣшенія народнаго судьи, чтобъ онъ не могъ защитить подчиненнаго ему туземца, возстановить нарушенную народнымъ судомъ его честь, его имущественное право. Такое

недоумѣніе естественно отражается на силѣ ихъ уваженія и почитанія русской власти. Сарты г. Ташкента,—(конечно, не мардекеры, не задающіеся кромѣ подневной работы и заработной платы никакими общими вопросами, а люди болѣе или менѣе зажиточные и солидные)—откровенно говорятъ, что они никого такъ не боятся, какъ своихъ казіевъ, что никто такой силы надъ ними не имѣетъ, или, по крайней мѣрѣ, не проявляетъ, какъ казіи. Богъ высоко, Царь далеко; русскія власти близко, но почти ни во что не вмѣшиваются и живутъ, какъ добрые сосѣди. А казіи подъ бокомъ и суютъ свой носъ вездѣ, куда бы и не слѣдовало. Такъ напримѣръ, поссорятся два зажиточныхъ сарта—казій подсылаетъ къ одному изъ нихъ своего клеветра, который и посовѣтуетъ ему идти съ жалобой на недруга къ казію, и онъ ихъ помирить,—хотя виновный и почешетъ потомъ затылокъ. Не взлюбить кого-нибудь казіи, огорчить его кто-нибудь—его клеветръ предъявляетъ къ нему жалобу на ненавистнаго или непокорнаго, и казіи приговариваетъ послѣдняго въ тюрьму, или присуждаетъ съ него дутый искъ. И жаловаться на казія некому; съѣздъ судей рѣшенія казія не отмѣнить; ибо это противно шаріату. Такимъ образомъ, казіи держатъ подвѣдомственное имъ населеніе въ страхѣ и раболѣпномъ почтеніи. Намъ кажется, что оставлять въ такомъ положеніи народныя суды положительно неудобно и слѣдуетъ поскорѣе подвергнуть коренному пересмотру положеніе о народныхъ судахъ, да ужъ кстати и о выборахъ на должности туземной администраціи и суда. При этомъ слѣдуетъ указать на необходимость дать народнымъ судамъ болѣе точное и обстоятельное законоположеніе, такъ: положеніе 1886 года всѣ дѣла, подсудныя народному суду, раздѣлило на уголовныя и гражданскія, не обозначивъ точно этого дѣленія; между тѣмъ, въ киргизскомъ судѣ, по обычаю, нѣтъ такого дѣленія. По киргизскому обычаю, за неплатежъ долга съ отвѣтчика взыскивается въ пользу истца стоимость иска и кромѣ того, за произведенные расходы и продержаніе имущества—приростъ скота; но и за кражу, напримѣръ блошадей, съ вора тоже взыскивается только покраденное натурою или стоимость его и еще двѣ лошади въ пользу того же истца или потерпѣвшаго, а наказанію онъ не подвергается; за легкіе побои и оскорбленіе на словахъ взыскиваютъ только лошадь и халатъ въ пользу потерпѣвшаго, а за износилованіе и тяжкіе побои—9 штукъ разнаго скота или отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{3}$ куна—словомъ ни

въ разбирательствѣ, ни въ рѣшеніи киргизскаго суда разницы нѣтъ между уголовными и гражданскими дѣлами. Но киргизскій судья самъ не догадается и не пойметъ, какія дѣла уголовныя, какія гражданскія, если прямо и точно этого ему не указать. О нашемъ уложеніи или уставѣ о наказаніяхъ онъ понятія не имѣетъ и нельзя требовать отъ него такого знанія. Также возможны частыя и важныя недоразумѣнія по опредѣленію подсудности дѣлъ—гражданскихъ по мѣсту жительства отвѣтчика, уголовныхъ—по мѣсту совершенія преступленія. Какъ же ожидать отъ киргизскаго народнаго судьи правильнаго опредѣленія подсудности, когда онъ не знаетъ, какое дѣло считать гражданскимъ, какое уголовнымъ. Но еще въ большее затрудненіе поставленъ будетъ народный судъ въ случаяхъ, когда преступленіе совершено, напримѣръ, сартомъ противъ сарта въ степи, гдѣ за десятки или сотни верстъ нѣтъ сартовскаго суда; или киргизомъ противъ киргиза въ сартовскомъ городѣ, гдѣ нѣтъ киргизскаго суда. Какому же суду подсудны такія дѣла.

По внимательномъ и подробномъ разсмотрѣніи дѣятельности народныхъ судовъ, по всей вѣроятности, найдется не мало подобныхъ затрудненій и недоразумѣній, съ которыми мириться нельзя, а слѣдуетъ разрѣшить или устранить ихъ.

Что же касается до дѣятельности русскихъ судебныхъ учрежденій въ краѣ, то почти ничего особеннаго сказать о ней не приходится. Были прежде уѣздные судьи, нынѣ мировые судьи, но разница только въ наименованіи, а суть одна и та же—одни и тѣ же у нихъ достоинства и недостатки. Послѣдніе, т. е. мировые, правда, болѣе самостоятельны и независимы; но и въ прежнее время въ дѣятельность судей никто рѣшительно не виѣшивался. Тѣмъ не менѣе, тогда между администраціей и судьями была нѣкоторая общность взглядовъ, нѣкоторое согласованіе, обѣ власти шли рука объ руку, другъ друга поддерживали. Нынѣ судьи не только независимы и самостоятельны, но представляютъ собою какое-то совершенно обособленное учрежденіе. Они не имѣютъ и не желаютъ имѣть ничего общаго съ администраціей, точно у нихъ инныя міровоззрѣнія, иные законы—вообще замѣчается сильная рознь между судомъ и администраціей. Такъ возбуждаетъ полиція преслѣдованіе, напримѣръ, мясниковъ, хлѣбниковъ, разныхъ торговцевъ и проч., за нечистоту заведеній, несвѣжестъ провизіи или нарушеніе порядка благочинія; судья, признавая обвиненіе до-

казаннымъ, приговариваетъ виновныхъ только къ штрафу въ 1 рубль, или на 50 коп.,—это уже игра въ правосудіе и глумленіе надъ администраціей! Или полиція возбуждаетъ преслѣдованіе туземцевъ разныхъ торговцевъ насущными потребностями за стачку на русскомъ базарѣ, или возбуждаетъ преслѣдованіе еврея, не имѣющаго право жить въ Туркестанскомъ краѣ—мировой судья ихъ не только оправдываетъ, но и въ своемъ опредѣленіи входитъ въ обсужденіе неправильныхъ дѣйствій полиціи. Положимъ, областной судъ большую часть такихъ приговоровъ отмѣняетъ и исправляетъ, но, тѣмъ не менѣе, все это показываетъ, что существуетъ крайне нежелательная рознь между судомъ и администраціей. Вообще же по отношенію къ дѣятельности мировыхъ судей замѣчается недостатокъ, или слабость высшаго начальственнаго надзора и полное отсутствіе надзора правительственнаго. Почему, напримѣръ, губернаторъ, главная власть въ области, въ видахъ поддержанія престижа власти, не можетъ принять и рассмотреть жалобу туземца на мирового судью, а для проверки жалобы—потребовать подлинное производство судьи и, отнюдь не вмѣшиваясь въ производство дѣлъ, представлять о замѣченныхъ неправильностяхъ и упущеніяхъ куда слѣдуетъ. Такая китайская стѣна между администраціей и судомъ несомнѣнно ослабляетъ и парализируетъ правительственную власть и несомнѣнно приносить существенный вредъ государству.

Областные суды въ краѣ замѣстили по судебной части областныя правленія, но, конечно, съ большимъ полномочіемъ, съ большимъ широкимъ райономъ дѣятельности. Дѣятельность ихъ несомнѣнно лучше, правильнѣе и быстрѣе той же бывшей дѣятельности въ областныхъ правленіяхъ. Но достоинства и недостатки ихъ, а равно и самая дѣятельность еще не вполне опредѣлились и обрисовались, а потому и говорить объ нихъ еще нѣсколько преждевременно.

Также на выборномъ началѣ образованы были по проекту 1867 года для осѣдлага населенія и общественныя хозяйственныя управленія. На обязанности этихъ управленій лежало взиманіе съ населенія государственныхъ податей и земскихъ и общественныхъ сборовъ, раскладка податей и сборовъ на общество и завѣдываніе общественнымъ хозяйствомъ городовъ и селеній. У кочеваго населенія обязанности эти возложены были на волостной и аульный сходы выборныхъ, т. е., сходъ пяти-

десятниковъ завѣдывалъ общественными дѣлами и раскладкою податей и разныхъ сборовъ по волости, а сходъ десятниковъ по аулу. Общественныя управленія осѣдлаго населенія состояли въ кибитакахъ, или селеніяхъ, отъ 3 до 5 членовъ; въ городахъ—по столько же членовъ отъ cadaго квартала. Члены избирали изъ себя предсѣдателя. Словомъ, введены были въ миніатюрѣ наши юныя тогда земскія учрежденія. Но эти земскія учрежденія оказались преждевременными для Туркестанскаго края и были чрезъ 9 лѣтъ упразднены. Они стояли слишкомъ близко къ общественному пирогу и произвели обширныя и неустрашимыя утайки и растраты казенныхъ и общественныхъ сборовъ (объясн. записка къ проекту 1881 года). Обязанности ихъ частію были возложены на сходы пятидесятниковъ и десятниковъ, частію переданы въ уѣздныя управленія, а въ гор. Ташкентѣ введено городовое положеніе, и управленіе городскимъ хозяйствомъ перешло въ городскую думу.

Что же касается до податей и повинностей, то и онѣ подвергались неоднократно измѣненію и до сего времени не получили твердаго, устойчиваго положенія.

Во время кокаядскаго владычества киргизы платили правительству зякетъ въ размѣрѣ $\frac{1}{40}$ части со своего скота. Но такъ какъ дѣйствительное количество скота у киргизовъ не было извѣстно кокаядскому правительству, сами же скотовладѣльцы въ своихъ интересахъ сообщали уменьшенныя свѣдѣнія, провѣрить которыя было не только трудно, но и невозможно,—даже родоправители не знали настоящей цифры, скота—то зякетъ вносился въ размѣрѣ съ объявленнаго ими количества скота. Въ виду невозможности имѣть вѣрныя свѣдѣнія о количествѣ скота у киргизовъ, русское правительство, съ переходомъ ихъ подъ наше владычество, установило съ нихъ кибиточную подать, т. е., переложило подать со скота на кибитку, какъ предметъ болѣе доступный исчисленію и провѣркѣ. Сначала размѣръ подати былъ неодинаковый: въ Алатовскомъ округѣ (въ нынѣшней Семирѣченской области) киргизы вносили по 1 руб. 70 к., съ кибитки, по Сыръ-Дарьинской линіи (нынѣ Перовскій и Казалинскій уѣзды)—по 1 рублю 50 копѣекъ, а со вновь покоренныхъ киргизовъ (нынѣшніе Ауліаѣтинскій, Чпмкентскій и Ташкентскій уѣзды, а также Ходжентскій и Джизакскій уѣзды)—по 3 руб. Въ это время съ киргизовъ Западной Сибири взимался еще ясакъ—по 2 р. 70 коп. съ кибитки. Съ образованія Туркестанскаго генералъ-губернаторства по про-

екту 1867 года, всѣ киргизы обложены были однообразной кибиточной податью по 2 руб. 75 коп. съ кибитки и по 25 коп. денежной земской повинности. Этотъ послѣдній сборъ съ 1880 года поднять былъ до 1 руб. 25 коп. съ кибитки. Кромѣ того на общественныя надобности и на содержаніе туземной администраціи взималось по 1 руб. 25 коп. съ кибитки. По положенію 1886 года, подать эта увеличена до 4-хъ рублей съ кибитки, а земскій сборъ взимается въ потребномъ размѣрѣ, согласно ежегодной смѣтѣ земскихъ расходовъ.

Осѣдлое населеніе во время кокандскаго владычества обложено было хераджнымъ и танапнымъ податными сборами.

Первый сборъ, хераджъ, взимался съ хлѣбопашества въ размѣрѣ $\frac{1}{10}$ части всего урожая. Этимъ сборомъ обложены были всѣ общественныя земли, за исключеніемъ мельковыхъ—(принадлежащихъ частнымъ лицамъ на правахъ полной собственности) и вакуфныхъ (принадлежащихъ духовнымъ и благотворительнымъ учрежденіямъ).

Хераджъ взимался тотчасъ же по снятіи и обмолотѣ хлѣба (вслѣдствіе сухости воздуха и сильной жары снятый хлѣбъ не подвергается здѣсь особой сушкѣ, а обмолачивается тутъ же на полѣ чрезъ нѣсколько дней послѣ жатвы и не вывозится съ поля до измѣренія его серкеромъ—сборщикомъ). На самыхъ поляхъ зерно перемѣривается, и опредѣляется размѣръ слѣдуемаго въ хераджъ сбора. Послѣ того земледѣлецъ подвергается нашествію разныхъ властей: полицейскихъ, армянскихъ, духовенства, а затѣмъ дувановъ и прокаженныхъ и отсыпаетъ каждому сколько можетъ. Второй сборъ—танапный взимался съ самыхъ земель, т. е. съ количества земли, а не съ урожая. Мѣрою земли служилъ танапъ ($\frac{1}{6}$ десятины), почему и самый сборъ назывался *танабана*. Съ cadaго танапа взималось отъ 1 до 2-хъ и болѣе рублей, смотря по роду произрастаемыхъ продуктовъ. Этому сбору подлежали сады, огороды, бабчи и посѣвы клевера и хлопка. Для опредѣленія количества сбора, ежегодно весной измѣрялись подлежащія этому сбору земли особыми танапкешами (мѣстные землеѣры) подъ наблюденіемъ серкеровъ—сборщиковъ податей.

По занятіи нами края до 1868 года, мы оставили тѣ же податные сборы, съ осѣдлаго населенія, но только въ размѣрѣ $\frac{1}{10}$, а не $\frac{1}{6}$ части урожая, и взимали ихъ тѣмъ же кокандскимъ порядкомъ, чрезъ тѣхъ же сборщиковъ, только подъ наблюденіемъ русскихъ чиновниковъ. Податной вопросъ—

чрезвычайно трудный и сложный. Для его уясненія, разрѣшенія и правильнаго установленія, необходимо совершенно основательное и всестороннее ознакомленіе съ мѣстными климатическими и топографическими условіями, съ обычаями и характеромъ населенія. Совершенно незнакомые съ краемъ, мы, конечно, хорошо тогда поступили, не измѣнивъ старыхъ порядковъ и не вводя ничего новаго, кромѣ возможнаго надзора за сборами податей. Затѣмъ и по проекту 1867 года оставлены тѣ же подати, въ томъ же размѣрѣ, но только производство ихъ возложено на особня общественныя, хозяйственныя управленія, о которыхъ было сказано выше. Въ то время мы еще недостаточно ознакомились съ краемъ, чтобъ измѣнить существовавшую неудобную податную систему—и только замѣнили прежнихъ сборщиковъ податей этимъ хозяйственнымъ управленіемъ. Но вслѣдствіе смѣлыхъ и широкихъ злоупотребленій этихъ управленій по сбору податей и полной невозможности услѣдить за ними и провѣрить ихъ дѣйствія, эта мусульманская система сбора податей въ 1870 г. была отмѣнена и замѣнена прямымъ окладомъ по волостямъ въ размѣрѣ поступавшихъ сборовъ за предыдущій 1869 годъ, т. е., сколько съ извѣстной волости поступило хераджнаго и танапнаго сборовъ въ 1869 году, сколько эта волость должна внести и за 1870 годъ, но безъ измѣренія урожая, а по внутренней раскладкѣ самихъ обществъ по благосостоянію плательщиковъ. Но такъ какъ изъ произведенныхъ по разнымъ поводамъ дознаній и слѣдствій, и добытыхъ другими путями данныхъ, администрація имѣла полное основаніе полагать, что въ 1869 году хераджнаго и танапнаго сборовъ поступило въ казну значительно менѣе (не болѣе $\frac{1}{2}$) не только противъ той суммы, какая слѣдовала къ поступленію въ казну, но даже и противъ той, какая дѣйствительно была взыскана съ населенія (слѣдовательно утайка была двойная: утаили и плательщики, утаили и сборщики), то генералъ-губернаторъ увеличилъ эти подати на первый разъ на 10%, а затѣмъ увеличивалъ еще нѣсколько разъ—всего съ 1870 года по 1880 г. сборы были увеличены на 40%,—и кромѣ того сборъ на земскія потребности, на удовлетвореніе денежныхъ земскихъ повинностей, увеличенъ до 1 руб. 25 коп. съ двора и кибитки. Раскладка, какъ податныхъ, такъ и земакаго и общественнаго сборовъ на населеніе производилась самимъ обществомъ по благосостоянію плательщиковъ и безъ всякаго вмѣшательства админи-

страціи. Сборъ податей производился сначала пятидесятниками, а потомъ аульными старшинами и волостными управителями.

Такое добросердечное намѣреніе, какъ раскладка податей и повинностей по благосостоянію плательщиковъ, такое доброжелательное настроеніе администраціи, какъ невмѣшательство въ эту раскладку, — принесли, однако, совсѣмъ недобрые результаты. Эта раскладка по благосостоянію и это невмѣшательство въ раскладку были установлены, примѣняясь къ проекту 1867 года, установившему эти правила по взиманію податей съ кочеваго населенія. Почему именно составители проекта придерживались этихъ либеральныхъ принциповъ, изъ объяснительной записки усмотрѣть нельзя. Выражалось ли этимъ съ одной стороны довѣріе къ туземнымъ обществамъ, къ ихъ гражданской зрѣлости и чистотѣ ихъ нравовъ, что они дѣйствительно по общественной совѣсти разложатъ податную тягость по благосостоянію плательщиковъ, или съ другой стороны выражалось недовѣріе къ личному составу русской администраціи, — прямо сказать нельзя. По всей вѣроятности, ни того, ни другаго составители проекта выражать не желали, но просто хотѣли быть въ своихъ начертаніяхъ въ уровень современнаго либеральнаго настроенія умовъ, — иначе трудно объяснить эти совершенно непрактичныя и нѣсколько наивныя постановленія. Общественныя собранія людей, какъ крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ и даже дворянъ большею частью не выражаютъ дѣйствительно общественной мысли, дѣйствительно общественныхъ желаній, а почти всегда выражаютъ мысль и желаніе одного или нѣсколькихъ кулаковъ, вожakovъ или сильныхъ деньгами и положеніемъ вліятельныхъ лицъ. Что же можно ожидать отъ обществъ полудикарей, никогда не жившихъ общественной жизнью, находившихся подъ гнетомъ съ одной стороны необузданнаго деспотизма властей, а съ другой полнаго нравственнаго порабощенія фанатическаго мусульманскаго духовенства.

Чѣмъ грубѣе и невѣжественнѣе народъ, тѣмъ шире и свободнѣе дѣйствуютъ въ его собраніяхъ кулаки, вожаки и разнаго рода дѣльцы, и тѣмъ смѣлѣе ихъ притязанія къ общественному прологу, ихъ обирація простодушной, довѣрчивой массы, или простодушныхъ сообщественниковъ, чѣмъ менѣе встрѣчаютъ они къ тому препятствій. Составители проекта наивно и добродушно полагали, что наши полудикіе туземцы будутъ вершить свои общественныя дѣла, какъ развитые гражд-

дане передовыхъ народовъ Европы, какъ уже умудренные общественной дѣятельностью и житейскимъ опытомъ, и повѣдутъ свои дѣла мудро, благонамѣренно и добросовѣстно, сильному воли не дадутъ, слабого не дадутъ въ обиду—и установили полное невмѣшательство администраціи въ ихъ дѣла! Ну, конечно, невмѣшательство это было на руку лишь міроѣдамъ и кулакамъ, а населенію отъ раскладки податей разныхъ сборовъ по благосостоянію и отъ невмѣшательства легче не было, а стало хуже, чѣмъ было при кокандцахъ по отношенію къ податямъ и повинностямъ (тогда, по крайней мѣрѣ, каждый отвѣчалъ изъ своего урожая, изъ того, что получилъ, а не предполагаемаго благосостоянія); казна же въ очевидномъ убыткѣ, ибо явились отъ податной неурядицы недоимки податей и повинностей. Усматривая, что податное дѣло идетъ очень неладно, администрація проектировала еще въ 1873 г. новый порядокъ податнаго обложенія, именно: проектировано измѣрить площади обрабатываемыхъ земель cadastralнаго сельскаго общества, опредѣлить средній урожай съ десятины по каждому продукту особо и опредѣлить среднюю справочную цѣну; такимъ образомъ, получится приблизительная валовая доходность съ десятины cadastralнаго продукта, $\frac{1}{10}$ часть которой составитъ размѣръ поземельнаго налога съ каждой десятины. По числу десятинъ способной къ обработыванію земли, занимаемой селеніемъ опредѣлялся размѣръ поземельнаго налога на все сельское общество, которое само уже раскладывало этотъ налогъ между хлѣбопашцами, также безъ вмѣшательства русской власти. Но проектъ этотъ не былъ принятъ высшимъ правительствомъ, вслѣдствіе несогласія съ нимъ нѣкоторыхъ министерствъ по вопросамъ о правахъ землевладѣнія. Тѣмъ не менѣе, покойный генералъ-губернаторъ фонъ-Кауфманъ, послѣ покоренія Кокандскаго ханства и образованія изъ него Ферганской области, ввелъ въ ней эту податную систему. Для этого учреждены были по уѣздамъ Ферганской области поземельно-податныя организаціонныя коммисіи съ достаточнымъ количествомъ съемочныхъ партій межевщиковъ, которые обходились казнѣ свыше 200.000 руб. ежегодно.

Въ 1880 году новый податный порядокъ уже дѣйствовалъ. Едва успѣлъ этотъ новый порядокъ открыть свои дѣйствія, какъ раздались повсемѣстныя на него жалобы. До этого податнаго порядка населеніе Ферганской области вносило хераджъ

ный сборъ, какъ и при кокандскомъ владычествѣ, въ размѣрѣ $\frac{1}{5}$ части урожая, Установленный же новымъ порядкомъ поземельный налогъ, взыскивался въ размѣрѣ $\frac{1}{10}$ части урожая, слѣдовательно въ половину менѣе противъ прежняго. Каза-лось бы, населеніе Ферганской области должно было быть до-вольно; податная тягость его облегчилась наполовину,—а оно ропщетъ и заявляетъ, что ему было легче, когда брали съ него въ подати $\frac{1}{5}$ часть урожая, но прежнимъ порядкомъ.

Такимъ образомъ, $\frac{1}{10}$ часть стала тяжелѣе $\frac{1}{5}$ части—и не мудро! Прежній хераджный сборъ ложился на дѣйствитель-ный урожай, бралась $\frac{1}{5}$ часть съ того, что получилъ хлѣбо-пашецъ; танапный сборъ взымался только съ тѣхъ садовъ, огородовъ и бахчей, которые дѣйствительно приносили доходъ, а усадебные сады сборомъ не облагались, и сборы эти произво-дились въ извѣстное время, т. е., послѣ сбора жатвы. Хлѣбо-пашецъ и землевладѣлецъ напередъ знали, когда и сколько они должны будутъ внести податныхъ сборовъ. Такимъ образомъ, прежніе сборы были равномерны, точно опредѣлены и взи-мались въ опредѣленное время. Новый поземельный сборъ страдаетъ неравномѣрностью, неопредѣленностью и несвоевре-менной извѣстностью времени его сбора. Онъ облагаетъ по-дателью не земледѣльческіе продукты, получаемые съ хлѣбопа-хотныхъ земель, а самыя земли, и облагаетъ не тѣ только, которыя запаханы и засѣяны, а всѣ годныя къ орошенію и обработыванію, въ томъ числѣ и усадебная, и паровыя, и подъ перелогамъ; при томъ сборомъ облагается не каждый хлѣбо-пашецъ, или землевладѣлецъ отдѣльно, а цѣлый кишлакъ или все селеніе. Измѣривъ всю, приписанную къ селенію год-ную къ обработыванію землю, организаціонныя комиссіи по измѣреніямъ и разспросамъ исчисляли среднюю урожайность въ данный годъ съ десятины по засѣваемымъ продуктамъ, опредѣляли среднюю справочную цѣну, выводили валовой до-ходъ съ каждой десятины по преобладающему въ посѣвахъ продукту, брали изъ валоваго дохода $\frac{1}{10}$ часть въ поземель-ный доходъ, которымъ въ общемъ итогѣ по количеству деся-тинъ и облагали все селеніе, предоставивъ ему самому произ-вести внутреннюю раскладку этого сбора между землепаш-цами и землевладѣльцами, но не по количеству обрабатываемой земли или полученнаго съ хлѣбопашества дохода, а по благо-состоянію cadaго плательщика.

Такимъ образомъ селеніе, имѣющее 1.000 десятинъ годной

земли, но изъ нихъ обрабатываетъ только 700 десятинъ, а 100 десятинъ подъ паромъ и 200 десятинъ, за недостаткомъ воды для орошенія, или просто за недостаткомъ силы для обработанія, находятся подъ перелогомъ,—но облагается поземельнымъ налогомъ за всю 1.000 десятинъ, а не за 700 только дѣйствительно обрабатываемыхъ; слѣдовательно, селеніе будетъ обложено налогомъ почти на $\frac{1}{3}$ болѣе противъ того, сколько по справедливости слѣдовало. Кромѣ того, налогъ исчисленъ на все селеніе по преобладающему продукту; а если изъ 700 десятинъ — 400 были подъ пшеницей, а 300 подъ ячменемъ, джугарой, просомъ, то послѣднія 300 десятинъ будутъ обложены также по расчету на пшеницу т. е., болѣе чѣмъ слѣдуетъ. Напротивъ сосѣднее селеніе находится въ лучшихъ условіяхъ по орошенію своихъ полей и зажиточнѣе — оно всю свою землю обрабатываетъ, или оставляетъ подъ паромъ самое незначительное количество, и притомъ преобладающій продуктъ его посѣвовъ не пшеница, а джугара или другой низшій по стоимости продуктъ — селеніе это будетъ обложено противъ перваго сравнительно почти на половину меньшимъ налогомъ; приблизительно такъ: первое за 700 дѣйствительно обработанныхъ десятинъ, давшихъ ему, примѣрно 7.000 батмановъ ¹⁾ разнаго хлѣба, уплатить подати по расчету съ 1.000 десятинъ или 10.000 батмановъ — 1.000 батмановъ — переложивъ на деньги, какъ за пшеницу, положимъ по 3 руб. батманъ, 3.000 р., тогда какъ должно было уплатить только 2.100 руб., второе селеніе за 950 десятинъ, давшихъ ему 9.500 батмановъ разнаго хлѣба, уплатить по расчету съ 1.000 десятинъ также 1.000 батмановъ, но какъ за джугару, положимъ по 2 руб. за батманъ, — 2.000 рублей. Первое селеніе съ 7000 полученныхъ со своихъ земель батмановъ хлѣба заплатитъ подати 3.000 руб., а второе селеніе съ 9.500 батмановъ уплатитъ только 2.000 рублей. Такимъ образомъ поземельный налогъ является неправильнымъ, несправедливымъ, обременительнымъ и неравномѣрнымъ. Но неравномѣрность поземельнаго налога не исправляется и общественною раскладкою его между плательщиками по благосостоянію cadaго, а напротивъ, еще болѣе увеличивается. На общественныхъ сходахъ вездѣ и всегда, за очень рѣдкими исключеніями, сталкиваются два враждебные лагеря: группа зажиточныхъ и группа бѣдныхъ. Если первая пересилить, то дѣла рѣшаются въ ущербъ интересовъ бѣдняковъ, если вторая, то зажиточнымъ приходитъ

¹⁾ Батманъ 10 $\frac{1}{2}$ пудовъ.

ся тяжелѣе. Но большею частію перевѣсъ на сторонѣ людей сильныхъ капиталомъ и положеніемъ, кулаковъ, міроѣдовъ. Вообще же міръ или общественный сходъ никоимъ образомъ не обезпечиваетъ правильнаго, добросовѣстнаго и безпристрастнаго рѣшенія дѣлъ, предоставленныхъ его полному усмотрѣнію, особенно такихъ, правильность рѣшенія которыхъ проверить невозможно, какъ раскладка поземельнаго налога по благосостоянію плательщиковъ. У одного земли много, да денегъ и своихъ рабочихъ рукъ мало — и онъ занимаетъ у ростовщиковъ, чтобъ обработать свои поля, или отдаетъ землю въ аренду на невыгодныхъ условіяхъ; у другаго земли мало, да денегъ много, доставшихся отъ отца и дѣда или заработанныхъ другими, кромѣ земледѣльческихъ, промыслами. Послѣдній является зажиточнѣе перваго и съ него при добросовѣстной раскладкѣ мірской сходъ возьметъ въ поземельный налогъ болѣе чѣмъ съ перваго. Но въ такомъ случаѣ налогъ палъ не на землевладѣніе и земледѣліе, а на капиталъ и будетъ не поземельный, а подоходный налогъ. При пристрастной же раскладкѣ, какъ и бываетъ большею частію, первый земледѣлецъ будетъ обложенъ, конечно, большимъ налогомъ, чѣмъ второй — послѣдній, какъ человѣкъ денежный, найдетъ себѣ больше сторонниковъ, чѣмъ первый, человѣкъ безденежный. Это уже будетъ и не подоходный налогъ, и не налогъ а просто денежный сборъ съ туземныхъ населеній въ пользу государственнаго казначейства.

Сборъ этотъ вызвалъ повсемѣстныя жалобы, на которыя слѣдовали разные циркуляры г.г. губернаторовъ и распоряженія главнаго начальника края. Одинъ губернаторъ (циркуляръ отъ 20 марта 1882 г. за № 2542), указывая уѣзднымъ начальникамъ на непорядки и злоупотребленія по сбору податей, требуетъ отъ нихъ, чтобъ они слѣдили за внутреннею раскладкою податей и объясняетъ, что „въ случаяхъ жалобъ на несправедливую раскладку, вслѣдствіе вліянія крупныхъ землевладѣльцевъ, нельзя относиться равнодушно къ безвыходному положенію большинства населенія, разоряемаго несправедливою раскладкою, и дозволить богачамъ вваливать на большинство хлѣбопашцевъ часть причитающихся собственно съ нихъ податей, иначе населеніе будетъ имѣть полное основаніе роптать на замѣну поземельнымъ оброкомъ прежней хераждной системы, при которой уплата податей ложилась на населеніе равномѣрнѣе. Такимъ образомъ самъ губернаторъ призналъ новый поземельный налогъ неправильнымъ и веравномѣрнымъ, а новую

податную систему—неудовлетворительною; но онъ не принялъ никакихъ существенныхъ радикальныхъ мѣръ къ устраненію зла, къ исправленію недостатковъ и рекомендовалъ только не закрывать глазъ предъ явнымъ зломъ и оказывать защиту и поддержку обижаемымъ плательщикамъ, слѣдовательно, уже не держаться пресловутой и столь вредной системы невмѣшательства. Но зло неудачной податной системы не только продолжало существовать и послѣ этого циркуляра, а даже современемъ болѣе развилось. Вотъ что пишетъ объ этомъ съ „Туркестанскихъ вѣдомостяхъ“ въ 1884 г. за № 44, бывший помощникъ Намангамскаго уѣзднаго начальника Дмоховскій: „масса излишнихъ поборовъ при сборѣ податей, о которыхъ пришлось разбирать и нашему, и народному судамъ, свидѣтельствуешь, что правомъ производить раскладку податей пользовался не сходъ, а только отдѣльныя личности, кишлачные кулаки, эксплуататоры, которые повели дѣло эксплуатаціи народнаго достоянія на весьма широкихъ началахъ: деньги, земля, рабочій скотъ и прочее имущество быстро переходятъ въ руки эксплуататоровъ, которые, если продолжится такой порядокъ въ недалекомъ будущемъ доведутъ цвѣтущую нѣкогда Фергану до нищеты и создадутъ небывалый пролетаріатъ. Несмотря на такое положеніе дѣла, другой губернаторъ Ферганской области по поводу массы поступающихъ отъ населенія жалобъ на обременительность поземельнаго налога и неравномѣрность его раскладки, между прочимъ, предлагаетъ уѣзднымъ начальникамъ въ циркулярѣ отъ 24 іюля 1884 г. за № 7395: не вмѣшиваясь въ дѣло раскладки податей, внушить населенію, чтобъ раскладки были составлены, смотря по благосостоянію каждаго землевладѣльца, вполне справедливо и напомнить, что окладная недоимка не будетъ числиться за отдѣльными плательщиками, а за тѣмъ обществомъ, на которое выдана оброчная табель, — а затѣмъ губернаторъ требуетъ отъ нихъ „больше энергіи, больше подвижности, больше настояній, чтобъ податное дѣло установить правильно. Такимъ образомъ два губернатора смотрѣли совершенно различно на это столь важное дѣло: одинъ требовалъ полного невмѣшательства въ раскладку податей, другой указывалъ на необходимость такого вмѣшательства.

Благодаря такой внутренней раскладкѣ податей по благосостоянію плательщиковъ, благодаря отвѣтственности общества за отдѣльнаго плательщика, т. е. круговой порукѣ за каждаго,

и благодаря невмѣлительству администраціи въ раскладку податей, положеніе отдѣльныхъ плательщиковъ и цѣлыхъ обществъ стало очень тягостнымъ, и населеніе начало бросать свои земли, свои кишлаки и переселяться туда, гдѣ казалось имъ лучше и легче. Такъ напримѣръ въ 1881 и 1882 гг. въ 5 кишлакахъ Балыкчинской волости Андижанскаго уѣзда 116 семействъ бросили свои земли и переселились въ другія мѣста (рапортъ старшаго помощника уѣзднаго начальника отъ 30 августа 1884 года за № 604). Что эти кишлаки будутъ дѣлать съ брошенной землей? Раздать оставшимся на своихъ мѣстахъ хлѣбопашцамъ? А если они не захотятъ ее взять, имѣя достаточно своей земли? Что съ ней дѣлать? А налогъ за нее внести нужно; ибо общество круговой порукой отвѣчаетъ за отдѣльныхъ своихъ членовъ. Конечно, налогъ съ этихъ земель поступитъ въ недоимку, которая будетъ изъ года въ годъ лишь нарастать болѣе и болѣе, если не будетъ принято энергическихъ мѣръ ко взысканію съ общества этой недоимки, — а это неизбежно поведетъ къ разоренію цѣлыхъ обществъ.

Извѣстный ученый профессоръ А. Ф. Миддендорфъ, посѣтившій Фергану въ концѣ 70-хъ годовъ, въ своемъ сочиненіи „черчки Ферганской долины“ (стр. 446, 447) говоритъ: „чтобъ новый поземельный налогъ въ Ферганѣ, хотя бы отдаленно, соотвѣтствовалъ дѣйствительной производительности, т. е., среднему доходу и чтобъ сколько-нибудь удовлетворялъ принципу подходящаго обложенія, — для этого онъ долженъ быть построенъ на началѣ, совершенно противоположномъ тому, на которомъ онъ установленъ; ибо теперешній его фундаментъ совершенно гниль“. Далѣе онъ говоритъ, что нельзя отрицать у новаго взиманія податей большей мягкости и оригинальности; но, конечно, раціональнымъ его назвать нельзя; конечно, при немъ совершенно отсутствуетъ регулированіе „налоговъ“. А еще далѣе онъ говоритъ: „конечно, для популярности русскаго правительства въ высшей степени полезно свалить грѣхъ на туземныхъ, самимъ обществомъ выбранныхъ, должностныхъ лицъ; но такой взглядъ не долженъ усыплять внимательность администраціи относительно недостатковъ практикуемаго способа взиманія податей“.

Жалобы населенія на способъ обложенія и взиманія податей доходили, конечно, и до генералъ-губернатора, послѣдствіемъ чего было открытіе поземельныхъ организаціонныхъ комиссій въ краѣ въ концѣ 1882 года, а въ 1884 году послѣдовало

отъ него распоряженіе объ отмѣнѣ внутренней раскладки податей по благосостоянію плательщиковъ. Последнее распоряженіе генераль-губернатора, конечно, нѣсколько упорядочило податное дѣло. Такъ податное дѣло стояло до 1887 года, т. е. до нынѣ дѣйствующаго положенія, и можно сказать, такъ оно стоитъ и до настоящаго времени.

Положеніе это установило съ незначительными измѣненіями тотъ же поземельный налогъ, съ той же системой обложенія и сбора его, какъ и установленный организаціонными коммисіями въ Ферганской области. По 290 ст. положенія можно полагать, что не всѣ годныя земли, приписанныя къ сельскому обществу, облагаются поземельнымъ налогомъ, а только тѣ, которыя дѣйствительно обрабатываются—слѣдовательно земли, находящіяся подъ паромъ и подъ перелогами, не облагаются. Но прямо этого въ положеніи не сказано. По ст. 293, можно полагать, что раскладка податей по благосостоянію плательщиковъ отмѣнена, такъ какъ въ ней говорится просто, что раскладка налога, причитающагося съ цѣлаго сельскаго общества между его землевладѣльцами принадлежитъ самому обществу, а о раскладкѣ по благосостоянію ничего не говорится, слѣдовательно она не устанавливается. Но на основаніи какихъ данныхъ она должна производиться—ничего не сказано. 203 ст. говоритъ только, что раскладка составляется особыми выборными отъ общества, разсматривается и утверждается сельскимъ сходомъ, и что постановленіе послѣдняго обжалованію не подлежитъ,—слѣдовательно, выборные могутъ составить раскладку и по благосостоянію, а сельскій сходъ можетъ ее утвердить, и жаловаться на это плательщикъ не можетъ. Значитъ, все осталось по-старому. Вообще положеніе 1886 г. страдаетъ недомолвками, неточностію и неясностію положеній.

Изъ 297 и 298 ст. видно, что круговая порука общества за отдѣльнаго землевладѣльца не устанавливается. Слава Богу! Но жаль, что прямо не сказано, что она отмѣняется, чтобъ не было никакихъ недоразумѣній.

Такимъ образомъ наше податное дѣло еще не получило яснаго, твердаго, устойчиваго положенія и страдаетъ существенными капитальными недостатками, которые необходимо устранить, дабы наши подати и повинности сами по себѣ легкія, не были тяжкими и для нѣкоторыхъ непосильнымъ бременемъ, а легко выносились бы населеніемъ, ни чуть не отражаясь на развитіи и приумноженіи его благосостоянія. Надо надѣяться, что

прежня податная наша система послужить намъ въ этомъ дѣлѣ поучительнымъ и внушительнымъ опытомъ и новыя силы въ лицѣ податныхъ инспекторовъ будутъ на высотѣ этого важнаго дѣла.

Устроивъ мѣстное народное управленіе и установивъ подати и повинности, проектъ 1867 года прошелъ совершеннымъ молчаніемъ, не обмолвился ни однимъ словомъ о народномъ землевладѣніи, о правахъ туземцевъ, какъ на обрабатываемую ими землю, такъ и на землю необрабатываемую, но находящуюся въ ихъ пользованіи для своихъ хозяйственныхъ цѣлей. А между тѣмъ постоянное, прочное и точно установленное землевладѣніе служитъ главнымъ основаніемъ народнаго благосостоянія, надежнымъ, прочнымъ фундаментомъ, на которомъ растетъ и развивается экономическая жизнь всѣхъ и каждого, на которомъ держатся основы государствъ. Но землевладѣніе такой трудный и сложный вопросъ, что для возможно правильной его постановки и правильнаго его разрѣшенія необходимы всестороннее и полное его разъясненіе и серьезная, какъ научная, такъ и жизненная практическая подготовка. Особенно онъ труденъ тамъ, гдѣ сталкиваются разныя міровоззрѣнія житейскія и религіозныя, съ одной стороны—взгляды и правоотношенія современнаго цивилизованнаго міра, съ другой—взгляды и правоотношенія народовъ, жившихъ цѣлыя тысячелѣтія своею особою замкнутою неподвижною жизнью, а съ третьей—еще не установившіяся понятія о землевладѣніи бродячихъ или кочующихъ полудикарей, которые не имѣютъ твердой опоры на землѣ, постоянной пристани, своего теплаго уголка, и скитаются съ мѣста на мѣсто, гдѣ въ данный моментъ удобнѣе и лучше, но для которыхъ вѣрное и обеспеченное пользованіе опредѣленными участками земли составляетъ также жизненную, существеннѣйшую необходимость, какъ и для земледѣльческихъ народовъ. Проектъ 1867 года, конечно, хорошо сдѣлалъ, что обошелъ совершеннымъ молчаніемъ этотъ существенно важный вопросъ, ибо онъ тогда еще совершенно не былъ подготовленъ къ правильному его разрѣшенію. Лучше не поднимать вопроса, который трудно съ полнымъ убѣжденіемъ рѣшить ясно, точно и положительно, а особенно вопроса о землевладѣніи, гдѣ постоянно сталкиваются интересы и правоотношенія земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ между собою, ибо отъ недостаточно яснаго и обстоятельнаго его разрѣшенія

произойдетъ полная неурядица и сумбуръ въ жизни и въ понятіяхъ народа, что мы видимъ здѣсь въ послѣднее время, благодаря обстоятельному, слишкомъ поверхностному и неправильному установленію землевладѣнія въ краѣ.

Земля, по мусульманскимъ міровоззрѣніямъ и законоположеніямъ, составляетъ государственную собственность, исключая вакуфныхъ и мильковыхъ земель, принадлежащихъ на правахъ собственности духовнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ, и потому обѣленныхъ и свободныхъ отъ государственныхъ податей. Хотя осѣдлое населеніе жило и управлялось по шаріату, на основаніи тѣхъ же мусульманскихъ міровоззрѣній и законоположеній, но послѣднія относительно землевладѣнія не вошли въ народное сознаніе, не проникли въ народную жизнь. Земледѣліе и землевладѣніе существуетъ здѣсь уже цѣлыя тысячелѣтія: громадныя и древнѣйшія арыки Ташкента, какъ *Боссу*, *Заг-арыкъ*, *Калъкаузъ* и *Саларъ*, приписываемыя народнымъ преданіемъ устройству современниковъ Афросіаба, за-долго не только до мусульманской, но и нашей христіанской эры, — свидѣтельствуютъ, что земледѣліе здѣсь процвѣтало еще во времена глубокой патріархальной древности, когда о государствѣ, государственномъ правѣ и государственномъ началѣ люди не имѣли никакого понятія. Земля, по всей вѣроятности, находилась въ эти старыя времена въ общинномъ владѣніи, понимая общину не въ смыслѣ людей, живущихъ вмѣстѣ въ одномъ селеніи, а въ смыслѣ людей, обрабатывающихъ землю въ одной мѣстности по одному арыку. Земледѣльцы, живя въ одномъ селеніи, могли имѣть пахатныя земли по разнымъ арыкамъ, и потому не могли составлять одной земледѣльческой общины, такъ какъ у земледѣльцевъ по одному арыку были свои отдѣльные земледѣльческіе интересы, а у земледѣльцевъ по другому арыку — свои особые. Но при этомъ слѣдуетъ допустить, что, въ силу привычки къ мѣсту, въ силу положеннаго на обработку и удобреніе земли труда, были и частныя подворныя владѣнія, переходившія отъ отцовъ къ дѣтямъ и далѣе въ потомство. Земля, переходившая цѣлый рядъ поколѣній въ одномъ родѣ, несомнѣнно становилась неотъемлемою, полною собственностью ея родоваго преемственнаго владѣльца, или того, кто путемъ купли, или даренія, или завѣщанія, пріобрѣлъ ее отъ такого владѣльца. Никакими законоположеніями, никакими умозаключеніями и никакими силами не убѣдить такого владѣльца, что доставшійся къ нему отъ отцовъ и дѣдовъ

его участокъ земли не составляетъ его собственности; а принадлежитъ какому-то отвлеченному понятію—государству. Если бы этому владѣльцу сказать, что земля его принадлежитъ хану, что ханъ можетъ ее отобрать отъ него и передать другому, онъ покорится, спорить и прекословить не будетъ, но будетъ видѣть въ этомъ насиліе, произволъ власти и никогда не согласится, что это будетъ справедливо. Но такъ какъ по здѣшнимъ климатическимъ условіямъ земледѣліе, за исключеніемъ возвышенныхъ плоскогорій, орошаемыхъ естественною атмосферною влагою, возможно лишь при условіи искусственнаго орошенія,—проведеніе же воды на поля и безпрепятственное пользованіе ею, требуетъ затраты громаднаго труда и капитала, непосильной единоличному владѣльцу, то владѣніе землею обусловлено обязательствомъ чистить, исправлять и увеличивать уже существующіе арыки (оросительныя каналы). Къ этому присоединилось, основанное на мусульманскомъ міровоззрѣніи на землевладѣніе, право хана или эмира, въ видахъ фискальныхъ, а отчасти и въ видахъ хозяйственныхъ интересовъ самихъ земледѣльцевъ,—требовать отъ землевладѣльцевъ постоянного обработыванія принадлежащей имъ земли подъ угрозой, что земля будетъ отобрана отъ нихъ, если не будетъ обрабатываема въ теченіи трехъ лѣтъ, и будетъ передана другому земледѣльцу. Это обязательное для землевладѣльцевъ условіе вызвано чисто практическими соображеніями и потребностями: съ одной стороны ханы, или правительство, получающее поземельную подать не съ самой земли, а съ произрастаемыхъ на ней продуктовъ, естественно теряетъ, если земля пустуетъ, не обрабатывается, съ другой стороны—землевладѣлецъ необработаннаго участка не принимаетъ участія въ чисткѣ и исправленіи арыковъ и такимъ образомъ его доля труда и капитала на эту потребность ложится на другихъ землевладѣльцевъ, что естественно не можетъ отвѣчать интересамъ послѣднихъ. Вслѣдствіе этого право землевладѣнія обусловливалось, осложнялось и нѣсколько ограничивалось обязательнымъ пользованіемъ необходимою для земледѣлія водою, которая не можетъ быть частной собственностью, и обязательствомъ постоянного обработыванія владѣемой земли. Землевладѣльцу не только необходимо было право пользованія водою,—безъ воды онъ, само собою, не могъ пользоваться и землею, не могъ ее обрабатывать,—но онъ и обязанъ былъ имѣть право на пользованіе водою, иначе у него послѣ

трехъ-лѣтняго пустованія земли, — а безъ воды это неизбежно — ее отберутъ. Такимъ образомъ землевладѣлецъ въ своемъ правѣ на свою землю сталкивался съ правомъ общины на воду, необходимую для его земли, и съ правомъ правительства требовать отъ него обязательнаго обработыванія своей земли, чтобъ было съ чего взимать ему установленный подоходный налогъ. Слѣдовательно, владѣльческое право туземцевъ на землю было нѣсколько ограниченное. Но въ сознаніи народномъ такіе землевладѣльцы имѣли полное и совершенное право на свою землю, каковымъ они и пользовались при соблюденіи этихъ условій, т. е. пользованія водою и постояннаго ея обработыванія. Отбираніе же земли послѣ трехъ-лѣтняго ея пустованія мотивировалось тѣмъ, что землевладѣлецъ, не обработывая землю, самъ добровольно оставилъ ее и отказался отъ своего на нее права.

Но большая часть земель находилась въ общинномъ владѣніи (чакъ). Въ этомъ случаѣ общину составляли не всѣ жители извѣстнаго киплака или селенія, а хлѣбопашцы подѣлившіе между собою землю, орошаемую извѣстнымъ, арыкомъ. Раннею весною хлѣбопашцы выѣзжали со своими кошами (кошъ — пара воловъ подъ плугомъ) на свой арыкъ въ поле и дѣлили между собою земли, орошаемыя этимъ арыкомъ. Землю разбивали на части по количеству выведенныхъ въ поле кошевъ, обозначавшихъ въ данномъ случаѣ величину силы или средствъ хлѣбопашца къ обработанію земли. Одинъ вывелъ въ поле 5 кошевъ, другой три, третій два или одинъ — и каждый земледѣлецъ получалъ столько земли, сколько причтется ему по количеству выведенныхъ имъ кошовъ; и сообразно этому выставлялъ на расчистку и расширение и углубленіе или удлинненіе арыковъ столько рабочихъ, сколько на его долю падетъ по количеству его кошевъ. Но если при этомъ земледѣлецъ обсадитъ по арыку и по границамъ свой чакъовый участокъ деревьями, или построить на немъ курганчу, то участокъ этотъ становится его собственнымъ неотъемлемымъ, пока онъ его обработываетъ и отбываетъ арычныя повинности. По народному сознанію, отнять отъ земледѣльца такой участокъ безъ всякаго законнаго повода съ его стороны, т. е., когда онъ его обработываетъ и отбываетъ арычныя повинности, значитъ лишить его неотъемлемаго священнаго права собственности. Наконецъ, по мусульманскому міровоззрѣнію и по народному сознанію, лицо, проведшее въ мертвую степь новый арыкъ своими соб-

ственными силами и средствами, тѣмъ самымъ прибрѣтало право полной собственности (милькѣ) на всю землю, оживляемую этимъ арыкомъ, и могло само обрабатывать ее, или отдавать въ аренду (каранда), получая доходъ съ нея, или арендную плату, въ исключительную свою пользу, не платя въ казну хана никакого сбора или налога. Впрочемъ ханы утверждали за такими оживителями мертвой земли мильковое право или право полной собственности на оживленную землю, только послѣ передачи въ собственность хана мильковладѣльцемъ $\frac{1}{10}$ части этой земли. Но еслибы владѣлецъ этого арыка или земли пересталъ ее обрабатывать или отдавать въ аренду, и она запустовала бы болѣе трехъ лѣтъ, то каждый имѣлъ право занять ее, какъ брошенную мертвую землю и пользоваться ею, какъ собственностію. Право это исключительно принадлежало тому, кто первый бы ее занялъ; но онъ уже обязанъ былъ вносить въ ханскую казну хераджный и танапный сборы. Часто случалось, что ханы, въ видахъ фискальныхъ, придирались къ такому мильковому владѣльцу и, какъ политически неблагонадежнаго, ссылали его со всѣми домохадцами куда-нибудь въ другой конецъ ханства, и отбирали и землю и имущество въ ханскую казну, которая, кстати сказать, не составляла государственнаго достоянія, а принадлежала лично хану.

Въ такомъ положеніи было землевладѣніе при занятіи нами края. Ни тогда, ни при образованіи Туркестантскаго генераль-губернаторства по проекту 1867 года, мы благоразумно не коснулись этого вопроса и оставили его совершенно открытымъ, даже генераль-губернаторомъ запрещено было совершать крѣпостные акты на переходъ недвижимости, исключая земель, находящихся въ городскихъ границахъ. Замѣтивъ, что русскія власти не обращаютъ никакого вниманія на землевладѣніе въ краѣ, никого не спрашиваютъ о томъ, кто и на какомъ правѣ владѣетъ землей, что для нихъ закономъ служитъ ихъ шаріатъ, что вершителями ихъ судебъ—казіи, туземцы начали захватывать и присвоивать себѣ всѣ удобныя земли, особенно около центральныхъ и населенныхъ пунктовъ: они стали прекращать раздѣлъ чачовыхъ общественныхъ земель—и каждый оставался на томъ мѣстѣ, которое занималъ, и присвоивалъ его себѣ; стали присвоивать себѣ пустопорожнія заброшенные мѣста, проводить на нихъ воду, огораживать ихъ. Теперь въ окрестностяхъ Ташкента, на громадное раз-

стояніе уже нѣтъ не только свободныхъ, но и общественныхъ чачовыхъ земель, вся земля разобрана частными лицами, и, что всего интереснѣе, у всѣхъ ихъ имѣются казіевскіе документы на захваченныя ими земли—очевидно, они пріобрѣтены въ разгарѣ этихъ хищеній, захватовъ. Такъ земли, занятыя нашими войсками, какъ свободныя, никому не принадлежащія, подъ выгонъ, сѣнокосеніе и подъ огороды и затѣмъ чрезъ нѣсколько лѣтъ оставленныя ими (войсками),—нынѣ находятся уже во владѣніи частныхъ лицъ—туземцевъ, предъявляющихъ на эти земли документы, совершенные 40, 50 и болѣе лѣтъ тому назадъ (но документы довольно свѣжіе и не имѣющіе на себѣ признаковъ такой старины).

Одинъ весьма вліятельный ташкентскій казіи захватилъ общественную (чачовую) землю подлѣ самаго города нѣсколько сотъ (близъ тысячи) десятинъ—и ему удалось получить на нее изъ Сыръ-Дарьинскаго областнаго правленія крѣпостной документъ. Теперь онъ распродаетъ эту землю по 40 и 50 руб. десятину—хорошій гешефтъ! Дерзость сартовъ въ этомъ отношеніи дошла до того, что цѣлая ихъ компанія осмѣлилась оспаривать у русскаго города часть земли, застроенной уже жителями города и составляющей нѣсколько кварталовъ. Земля эта, какъ пустопорожня и никѣмъ не занятая, была отведена подъ городъ лѣтъ 20 тому назадъ покойнымъ генералъ-губернаторомъ. Сарты такъ упорно отыскивали эту землю, что доводили дѣло до Сената и, конечно, проиграли процессъ. Недавно, года два тому назадъ, полиція хотѣла согнать сарта съ участка земли въ русской части города, находящагося между домами русскихъ жителей, который онъ самовольно захватилъ, благодаря нашей халатности, и обрабатывалъ подъ дыни и арбузы. Сартъ легъ предъ полицейскимъ чиновникомъ на землю и рѣшительно объявилъ, что онъ не уйдетъ съ этой земли, что бы съ нимъ ни дѣлали. Полиція нѣсколько разъ приставала къ нему съ нѣкоторыми даже угрозами—ничто не помогло. Но у полиціи не хватило ни энергіи, ни сознанія власти выдворить его силою, и она оставила его въ покоѣ. Теперь онъ огородилъ это мѣсто, построилъ грошевую саклю (домикъ туземнаго образца), посадилъ нѣсколько деревьевъ и ищетъ уже покупателя по 3 руб. за сажень—значитъ тысячу за пять. Всѣ эти факты достаточно показываютъ, какъ велико обаяніе русской власти на туземцевъ, какъ высокъ нашъ престижъ въ ихъ глазахъ—а всему причина наше либеральное и

не къ дѣлу великодушное невмѣшательство въ народную жизнь, въ народное управленіе, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда затрогиваются наши кровно русскіе государственные интересы. Но обратимся къ вопросу о землевладѣніи.

Составляя новое положеніе въ 1873 году, туркестанская администрація, придерживаясь мусульманскаго міровоззрѣнія, проектировала признать всѣ земли, исключая вакуфныхъ и мильковыхъ, государственными, находящимися въ постоянномъ пользованіи населенія. Нѣкоторые министерства, рассматривая это положеніе, не согласились съ такимъ взглядомъ туркестанской администраціи, полагая со своей стороны полезнымъ и необходимымъ признать занятую и обрабатываемую туземнымъ на селеніемъ землю — принадлежащую ему на правахъ полной собственности. Нѣкоторые министерства раздѣляли взглядъ туркестанской администраціи. Вслѣдствіе такого разногласія во взглядахъ на землевладѣніе въ Туркестанскомъ краѣ, проектъ 1873 года не былъ подвергнутъ окончательному разсмотрѣнію. Та-же участь постигла и проектъ, составленный туркестанской администраціей въ 1881 году. Только въ 1886 г., при разсмотрѣніи третьяго проекта, противоположныя взгляды на вопросъ о землевладѣніи въ Туркестанскомъ краѣ сошлись на компромиссѣ, предложенномъ военнымъ министерствомъ по которому (255 ст.) „за осѣдлымъ сельскимъ населеніемъ утверждаются земли, состоящія въ постоянномъ потомственномъ его владѣніи, пользованіи и распоряженіи (земли лянляновыя) на установленныхъ мѣстнымъ обычаемъ основаніяхъ“. Статья эта такъ темна и неопредѣленна, что трудно понять, что именно она устанавливаетъ. Въ ней понятія о владѣніи, пользованіи и распоряженіи землею сбиты въ какое-то одно неопредѣленное понятіе, такъ что нельзя прямо сказать, какое именно право на землю она предоставляетъ туземному населенію. Если представляется право владѣнія, то въ немъ само собою заключается и право пользованія и распоряженія; тогда незачѣмъ о послѣднемъ и упоминать. Если право пользованія, то такое право далеко не совмѣщаетъ въ себѣ правъ владѣльческихъ. А право распоряженія, безъ правъ владѣнія и пользованія, это какое-то новое доселѣ неслыханное и никѣмъ и нигдѣ еще непрacticкованное право. При томъ: какъ понимать „постоянное, потомственное владѣніе, пользованіе и распоряженіе“ два ли это отдѣльные понятія: постоянное владѣніе хотъ и не потомственное, и потомственное хотъ и не постоянное, или оба выраженія

составляютъ одно понятіе, т. е. признается только потомствен-
ное и при томъ постоянное владѣніе, хотя бы въ теченіе
10-лѣтней давности. Кромѣ того въ этой статьѣ сказано, что
земли эти утверждаются за населеніемъ на установленныхъ
мѣстными обычаями основаніяхъ. Но 260 ст. устанавливаетъ, что
постройки и насажденія, произведенныя отдѣльными хозяевами
на состоящихъ въ ихъ пользованіи земляхъ, составляютъ пол-
ную собственность означенныхъ лицъ. А между тѣмъ, по народ-
ному сознанію, по вѣковымъ тысячелѣтнимъ народнымъ tradi-
ціямъ, земля, обсаженная деревьями и застроенная курганчей,
сама составляетъ неотъемлемую собственность ея владѣльца,
а не одни только насажденія и постройки на ней. По статьѣ же
260 — только насажденія и постройки признаются полною его
собственностью, а земля, вѣроятно, остается лишь въ его
пользованіи. Значитъ, такія земли утверждаются за населе-
ніемъ не на основаніяхъ, установленныхъ мѣстными обычаями,
а совершенно имъ напротивъ. Только въ одномъ мѣстѣ поло-
женіе ясно выразило, именно въ ст. 269, что усадебные участки,
отведенные городскимъ жителямъ въ чертѣ городовъ, призна-
ются собственностью этихъ лицъ, значитъ, о всѣхъ другихъ
земляхъ этого нельзя сказать. Вслѣдствіе этого произошла
путаница понятій о правахъ туземцевъ на землевладѣніе не
только въ средѣ темнаго населенія, но даже въ самой админи-
страціи и въ русскихъ судахъ. Когда, на основаніи нынѣ дѣй-
ствующаго положенія, были приписаны къ селеніямъ и отве-
дены земли, какъ удобныя къ культивированію, такъ и неудоб-
ныя подъ выгонъ или сѣнокошеніе, то туземцы поняли, что
земли эти отведены имъ въ полную собственность, что всякій
землевладѣлецъ можетъ владѣть и распорядиться своимъ
участкомъ, который онъ занялъ и обрабатываетъ, какъ онъ
знаетъ, и какъ онъ хочетъ, какъ полною своею собствен-
ностью, и что также можетъ распорядиться все общество отве-
денными ему землями, какъ совсѣмъ не культурными и неспо-
собными къ обработыванію, такъ и землями годными къ оро-
шенію и обработыванію, но за недостаткомъ воды или средствъ
провести новый или удлинить старый арыкъ, пока пустопо-
рожними, мертвыми. Такъ понимая новое положеніе, туземцы,
какъ цѣлыя общества, такъ и отдѣльные землевладѣльцы,
стали расточать, проматывать свое будущее благосостояніе,—
начали продавать русскимъ татарамъ, богатымъ городскимъ
сартамъ и евреямъ свои годныя, но еще неорошенные земли

и даже культивируемые участки пахатной земли. На основаніи 261 ст. положенія, передача земельныхъ участковъ между туземцами (вѣроятно одной народности) совершается по обычаю. Передача же такихъ участковъ отъ туземцевъ не туземцамъ, совершается крѣпостнымъ порядкомъ, при чемъ покупатель приобрѣтаетъ только тѣ права, которыми пользовался продавецъ. Не останавливаясь на неправильности первой половины этой статьи, ибо у туземцевъ земля, какъ купленная, такъ и унаслѣдованная, переходила отъ одного къ другому по казіевскимъ документамъ (васиха), каковыя документы имѣли и имѣютъ между туземцами силу крѣпостнаго акта, по обычаю же только производился раздѣлъ чачовыхъ общественныхъ земель—укажемъ на неясность и противорѣчіе общему смыслу положенія второй половины этой статьи. Эта статья устанавливаетъ продажу земли туземцами не туземцамъ крѣпостнымъ порядкомъ. Но крѣпостнымъ порядкомъ совершается только переходъ отъ одного къ другому права собственности. Туземцамъ же предоставлено только право пользованія землею, а не право собственности. Передача же права пользованія, а тѣмъ болѣе какого-то неопредѣленнаго распоряженія землею, совершается не крѣпостнымъ порядкомъ, а явочнымъ. Тѣмъ не менѣе, такая неправильная редакція этой статьи дала поводъ полагать, что туземцамъ предоставлено право собственности на земли и право свободнаго отчужденія своихъ земель. И такое предположеніе имѣло тѣмъ болѣе основанія, что 206 ст. упрощаетъ и насколько возможно облегчаетъ переходъ земель отъ туземцевъ къ нетуземцамъ. Тамъ указано, что для совершенія купчей крѣпости на уступаемый продавцомъ туземцомъ земельный участокъ должно быть представлено, въ доказательство его права на этотъ участокъ, свидѣтельство уѣзднаго начальника, основанное на удостовѣреніи мѣстнаго сѣзда народныхъ судей—и только. Въ виду этихъ законоположеній, уѣздные начальники, получивъ отъ продавца удостовѣреніе сѣзда народныхъ судей о принадлежности на правѣ полной собственности означеннаго въ немъ земельного участка извѣстному лицу, спокойно выдавали со своей стороны свидѣтельство на принадлежность участка этому лицу, не считая нужнымъ провѣрять такія удостовѣренія сѣздовъ. Получить же такое удостовѣреніе отъ сѣзда было легко и не дорого. Народные судьи и за пустяжную подачку выдадутъ такое, ничего для нихъ не значащее удостовѣреніе. Областной

судъ, получивъ при прошеніи о совершеніи купчей такое свидѣтельство уѣзднаго начальника, не считалъ себя въ правѣ отказывать въ совершеніи купчей крѣпости и, согласно 206 ст. положенія, на основаніи только такого свидѣтельства совершалъ купчую. Такимъ образомъ, государственныя земли, утвержденныя за туземцами въ потомственное ихъ пользованіе, путемъ продажи, совершенной крѣпостнымъ порядкомъ, на основаніи ничего не стоящихъ удостовѣреній съѣздовъ народныхъ судей переходятъ въ полную собственность частныхъ лицъ безъ участія въ томъ государства.

За частными лицами потянулись и цѣлыя общества распродавать за безцѣнокъ общественное достояніе. Когда же судъ сталъ отказывать въ совершеніи купчихъ на переходъ общественныхъ земель частнымъ лицамъ, тогда эти общественныя земли стали переходить въ частныя руки чрезъ народные суды согласно 261 ст. по обычаю и уже частныя лица, какъ отдѣльныя и самостоятельныя землевладѣльцы, стали перепродавать ихъ русскимъ или татарамъ и др. А такъ какъ въ 261 ст. сказано просто, что передача земель разныхъ участковъ между туземцами совершается по соблюдаемымъ въ каждомъ мѣстѣ обычаямъ, то ни администрація, ни судъ не вдавались въ разъясненіе этихъ обычаевъ; какіе именно эти обычаи, въ чемъ они состоятъ, чѣмъ и какимъ образомъ они выражаются въ народной жизни. И не задавались вопросомъ, дѣйствительно ли существуютъ такіе обычаи у туземцевъ. Съѣздъ народныхъ судей удостовѣряетъ, что такой-то туземецъ владѣетъ такимъ-то участкомъ земли на правѣ полной собственности, приобретеннымъ имъ по обычаю. Уѣздный начальникъ выдаетъ на основаніи этого удостовѣренія съѣзда народныхъ судей такое же свидѣтельство, и судъ на основаніи 261 ст. совершалъ купчую. Но когда администрація наконецъ догадалась, что на законномъ основаніи расхищается народное достояніе и запретила отчужденіе общественныхъ земель, тогда между населеніемъ сталъ проходить говоръ, что ихъ земли отбираются въ казну, или, что ихъ власти противозаконно стѣсняютъ въ распоряженіи своимъ имуществомъ. Но туземцы стали обходить это запрещеніе: общества стали отдавать свои общественныя земли въ долгосрочныя аренды подъ закладныя, крѣпостнымъ порядкомъ совершаемыя. Судъ сначала отказывалъ имъ въ совершеніи закладныхъ, тогда стороны перенесли дѣла въ Правительствующій Сенатъ, и Сенатъ, къ уди-

вленію, предписалъ суду совершать такія закладныя. Такъ, одинъ татаринъ взялъ 600 десятинъ въ арендное содержаніе на 33 года.

Въ настоящее время вопросъ о землевладѣніи снова поставленъ на очередь и разсматривается и разрабатывается подлежащими правительственными учрежденіями. Нельзя не пожелать, чтобъ, наконецъ, правильно былъ постановленъ этотъ столь важный вопросъ для его разрѣшенія, чтобъ правительство смѣло, властно и энергично взялось за него, не вмѣшивая въ дѣло какіе-то народные обычаи, которыхъ въ дѣйствительности не было и нѣтъ, и не впутывая въ него мусульманскія міровоззрѣнія на право землевладѣнія.

Мы не понимаемъ, почему туземцамъ нельзя предоставить право полной собственности на занимаемую ими землю. Нынѣ дѣйствующее положеніе предоставило имъ права постоянного потомственного владѣнія землей на правахъ пользованія и распоряженія, т. е. на правѣ землевладѣльца передачи земли другому лицу. Не все ли это равно: владѣть ли онъ землей на правѣ полной собственности или на правѣ вѣчнаго пользованія съ правомъ передачи другому лицу путемъ продажи, даренія или завѣщанія. Вся разница въ словѣ. Находящуюся во владѣніи туземца землю никто отъ него не отниметъ, стѣснить его въ пользованіи ею никто не можетъ, пока онъ исправно платитъ подати и отбываетъ повинности. Но дѣло въ томъ, что земля, какъ полная собственность землевладѣльца, несомнѣнно дороже стоитъ, чѣмъ земля, находящаяся только въ его, хотя бы вѣчномъ пользованіи, хотя бы съ правомъ переуступки права пользованія ею. Кромѣ того, какъ полная собственность, она можетъ быть отдаваема подъ залоги по подрядамъ и поставкамъ по Туркестанскому краю и въ залогъ въ разныя кредитныя учрежденія. Для чего лишать этихъ выгодъ землевладѣльцевъ Туркестанскаго края.

Съ чувствомъ нѣкотораго удовлетворенія, мы можемъ остановиться на нашей дѣятельности по части просвѣщенія края. Благодаря громаднымъ средствамъ, которыми въ теченіе десяти лѣтъ располагала администрація, потроены по всѣмъ уѣзднымъ городомъ прекрасныя помѣщенія подъ городскія училища; въ Вѣрномъ и Ташкентѣ устроены мужскія и женскія гимназіи, а въ Ташкентѣ, и кромѣ того учительская семинарія. Всѣ эти учебныя заведенія, судя по общественному голосу, стоятъ на высотѣ

своего призванія; только на слишкомъ строгое, рабское поклоненіе классицизму и слишкомъ тяжелое непосильное обремененіе уроками учащихся въ мужскихъ гимназіяхъ былъ слышенъ всеобщій ропотъ воспитанниковъ и ихъ родителей, а также и на обремененіе уроками въ женскихъ гимназіяхъ, но это зло было общее по всей Россіи. Вообще же дѣятельностью нашихъ русскихъ учебныхъ заведеній мы можемъ похвалиться. При этомъ нельзя не вспомнить съ чувствомъ глубокой благодарности и уваженія къ памяти покойныхъ генераль-губернатора К. П. Кауфмана, горячо сочувствовавшего дѣлу просвѣщенія въ Туркестанскомъ краѣ, и покойнаго перваго главнаго инспектора училищъ А. Л. Куна, необыкновенной энергіи и ловкости котораго наши учебныя заведенія главнымъ образомъ обязаны своимъ существованіемъ. Онъ умѣлъ ловить свободныя и благопріятныя минуты покойнаго генераль-губернатора для своихъ докладовъ по проектируемымъ имъ учебнымъ учрежденіямъ, когда еще былъ при немъ чиновникомъ особыхъ порученій,—ему даже не мѣшали въ этомъ ни приготовленіе къ военнымъ экспедиціямъ, ни сами экспедиціи; онъ умѣлъ находить источники средствъ на устройство и содержаніе этихъ заведеній; ему удавалось устранять и улаживать всѣ недоразумѣнія и принципиальныя разногласія между министерствами военнымъ, финансовъ, народнаго просвѣщенія и Туркестанскаго генераль-губернатора—и отъ создалъ цѣлый учебный округъ—честь ему и слава! Но всѣ эти гимназіи и училища имѣютъ слишкомъ малое и ничтожное соотношеніе къ туземному населенію. Киргизы однако начинаютъ уже отдавать своихъ дѣтей въ наши школы, хотя и очень мало, сарты же положительно чуждаются русскихъ школъ, какъ и всего русскаго.

На туземныя же школы (мактефъ) и высшія ихъ училища (медресе) мы не обращали никакого вниманія, совершенно игнорировали ихъ и не знали, кто какъ и чему учить дѣтей туземцевъ. Такое пренебреженіе къ дѣлу собственно народнаго образованія указываетъ, что мы далеки были отъ сознанія того, какое важное значеніе въ жизни народа имѣетъ школа, какое сильное вліяніе оказываетъ она на политическое развитіе страны. Мы совершенно не знаемъ, чему учатъ сартовскихъ дѣтей фанатики муллы, и киргизскихъ дѣтей еще болѣе фанатичные татары, что имъ внушаютъ, какіе идеалы, какія понятія проводятъ они въ головы полудикихъ воспитанниковъ; но во всякомъ случаѣ ихъ идеалы и понятія строго мусульманскіе, не-

сомнѣнно враждебные русскому владычеству и русской національности. Нельзя на такое серьезное дѣло закрывать глаза. Мусульмане средней Азіи массами посѣщаютъ ежегодно священную свою Мекку, гдѣ встрѣчаются съ фанатиками Казани, Крыма и Кавказа — стойкими, вѣрными поборниками ислама; съ фанатиками софтами турецкими, проповѣдующими могущество ислама, политическое превосходство и главенство мусульманъ; съ фанатиками Судана — магдистами, превозглашающими единеніе всѣхъ мусульманъ, общность и солидарность ихъ религіозныхъ и политическихъ интересовъ; и съ фанатиками Индіи, ненавидящими и презирающими всѣхъ кяфировъ. Нафанатизированные возвращаются они домой рьяными страстными поборниками мусульманскихъ идей и вожделѣній, а съ ними пробираются къ намъ и страстные піонеры мусульманства изъ жаркой Аравіи и горячаго Судана, — и въ стѣнахъ медресе (высшія мусульманскія школы) среди ишановъ, аглямовъ и муллъ подлѣ мечетей и на базарахъ, публично распѣвая и рассказывая о жизни и подвигахъ разныхъ мусульманскихъ святыхъ, проводятъ свои задушевные мусульманскія идеи. Муллы разносятъ эти идеи по мактефамъ (простая низшая школа), которыхъ въ одномъ Ташкентѣ около 50. На толпу, на массу народа занятого исключительно трудомъ, работой и заботой въ борьбѣ съ голодомъ и холодомъ, эти идеи не имѣли и не имѣютъ серьезнаго вліянія; но все же поддерживаютъ въ нихъ замкнутость, восточную мусульманскую непримиримость и служатъ главнымъ препятствіемъ къ сближенію съ нами туземцевъ, къ ихъ ассимилированію. Молодое поколѣніе воспитывается въ духѣ несомнѣнно для насъ вредномъ. Но русская власть ничего этого знать не хочетъ: это не входитъ въ рамки канцелярскаго круга дѣятельности: по штату не полагается!..

Однако нельзя сказать, чтобы мы уже совсѣмъ закрывали глаза предъ этимъ важнымъ вопросомъ: года два тому назадъ учреждена должность инспектора народныхъ училищъ. Ну и что же онъ будетъ дѣлать въ этомъ лабиринтѣ, въ этомъ хаосѣ? — Да, ничего! Сосчитаетъ, сколько школъ, сколько учащихся, ознакомится въ наружной обстановкой школъ, со средствами ихъ и увидитъ, что сдѣлать онъ ничего не можетъ. А между тѣмъ нужно показать себя, свое усердіе къ службѣ — и онъ сразу превратится въ попечителя народныхъ школъ; будетъ хлопотать о благоустройствѣ и развитіи этихъ школъ

т. е. дѣйствовать совершенно не въ духѣ русскихъ интересовъ. А контроль надъ школами, и дѣятельный контроль, и возможенъ и не обходимъ. Намъ кажется, что необходимо начать съ того, чтобъ узаконить, что въ медресе и школахъ мусульманскихъ преподаваніе наукъ можетъ быть только по книгамъ, издаваемымъ въ Россіи и непремѣнно подъ правительственной цензурой. Даже слѣдуетъ идти далѣе: необходимо замѣнить арабскую транскрипцію русской. Это въ сущности не такъ страшно и не такъ трудно. Если же однако будетъ признано опаснымъ ввести вдругъ такое нововведеніе въ мусульманскихъ школахъ осѣдлаго населенія, то можно вводить это исподволь, а въ киргизскихъ школахъ необходимо сдѣлать сразу и теперь же. Здѣсь нѣтъ ни мусульманской нетерпимости, никакихъ традицій, которыя мѣшали бы этому нововведенію, и дѣло несомнѣнно привьется легко и быстро. Если же оставить образованіе туземцевъ, какъ оно есть, въ рукахъ мударресовъ, ишановъ, аглямовъ и муллъ, безъ надлежащаго правительственнаго контроля, — то Туркестанскій край навсегда останется мусульманской обособленной, замкнутой и политически неблагонадежной страной, и киргизы со временемъ станутъ такими же яркими мусульманами, какъ татары и сарты.

По благоустройству края, дѣятельность наша выразилась только въ устройствѣ городовъ. Край началъ благоустроиваться съ 1868 года—ранѣе мы жили, такъ сказать, бивуачно, жили по-военному и не знали навѣрное, гдѣ будемъ завтра, гдѣ поставимъ точку нашему движенію въ глубь Азіи.

Съ занятіемъ Самарканда мы почувствовали, что сидимъ на твердой почвѣ, и начали устроиваться, да къ тому же и средства у насъ появились. Съ 1868 по 1880 годъ администрація располагала громадными средствами: въ ея полномъ распоряженіи были доходы Заравшанскаго округа и Ферганской области до 2.000.000 руб. ежегодно. Располагая такими богатыми средствами, администрація смѣло приступила къ устройству областныхъ и уѣздныхъ городовъ въ широкихъ размѣрахъ. Построены были прекрасныя помѣщенія для всѣхъ присутственныхъ мѣстъ вѣдомства военнаго министерства, для нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ: для генераль-губернатора, для губернаторовъ и ихъ помощниковъ, уѣздныхъ начальниковъ и ихъ помощниковъ, для военныхъ собраній, для тюремъ, шоссированы улицы въ городахъ Ферганской области

и Заравшанскаго округа, построены мосты въ городахъ и въ заключеніе выстроены скромныя церкви; устроены бульвары, городскіе сады, развили питомники и опытныя плантаціи. Благодаря этому наши города, несмотря на такой сравнительно маленькій періодъ времени, являются чистенькими и достаточно благоустроенными. Но внѣ городовъ край находится, въ смыслѣ благоустройства, почти въ томъ же положеніи, какъ мы его застали. Нѣсколько десятковъ верстъ шоссированныхъ дорогъ, небольшіе мосты и мостики по почтовымъ дорогамъ, большой чирчикскій мостъ (ходжентскій мостъ чрезъ Сыръ-Дарью построенъ на частныя средства) и два три года существующій летучій паромъ въ Чиназѣ (построенный на счетъ арендатора)—вотъ и все, на что можно указать по части благоустройства края внѣ городовъ. Еслибы мы не увлекались грандіозными величественными постройками помѣщеній для губернаторовъ и военныхъ собраній, поглотившихъ каждое около 200 т. руб. в разныя громадныя, но не вызывавшіяся дѣйствительною надобностію сооруженіями, какъ помѣщеніе для предполагаемой ярмарки въ Ташкентѣ, биржа (служить хотя очень неудобнымъ помѣщеніемъ подъ театр), караванъ-сарай (служить помѣщеніемъ подъ артиллерійскій складъ), то по всей вѣроятности больше средствъ и больше вниманія пало бы на долю благоустройства путей сообщенія—этого чрезвычайно важнаго фактора въ политико-экономическомъ развитіи каждой страны.

За послѣдніе 8 лѣтъ выступилъ и назрѣлъ новый весьма важный государственный вопросъ въ политической жизни Туркестана—это вопросъ поселенческій, колонизаціонный. Нельзя сказать, чтобъ администрація не задавалась ранѣе этимъ жизненнымъ для насъ вопросомъ. Еще въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ собирались свѣдѣнія о мѣстахъ свободныхъ и удобныхъ для русскихъ поселеній. Но мы отнеслись тогда къ этому дѣлу ужъ очень осторожно, чтобъ не сказать боязливо. Мы опасались, что водвореніе адѣсь русскихъ вызоветъ ропотъ и неудовольствіе въ туземцахъ, что послѣдніе отнесутся къ русскимъ поселенцамъ враждебно за воду, за землю и по мусульманской нетерпимости, — и что это осложнитъ наше еще не окрѣпнувшее положеніе. Поэтому почти всѣ уѣздные начальники сообщили тогда, что свободныхъ и удобныхъ земель для русскихъ поселеній нѣтъ. Смѣлѣе отнесся къ дѣлу Семирѣченскій губернаторъ генералъ Колпа-

ковский: онъ энергично и умѣло принялся за дѣло колонизаціи—и теперь семирѣчье насчитываетъ болѣе десяти цвѣтущихъ, благоустроенныхъ поселеній.

Въ восьмидесятыхъ годахъ вопросъ этотъ сталъ на очередь и въ Сырѣ. Дарьинской области и теперь тоже можно уже насчитать до десяти русскихъ поселковъ. Поселки эти не всѣ еще обстроились, не всѣ обзавелись нужнымъ хозяйствомъ, нѣкоторые бѣдствуютъ, почти нищенствуютъ; но богатѣйшая почва, благословенный климатъ, надо надѣяться, скоро помогутъ имъ устроиться, какъ слѣдуетъ и окрѣпить. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ сказать, что дѣло это ведется у насъ какъ-то вяло, безъ энергичной поддержки администраціи и правительства, безъ живаго участія. Явится партія оборванныхъ голышей, скитальцовъ за 3 или 4000 верстъ побирающихся Христовымъ именемъ, чтобъ добраться до мѣста, мы укажемъ имъ землю, дадимъ по нѣскольку десятковъ руб. на семью и оставимъ ихъ на волю Божию селиться и устраиваться, какъ они знаютъ.

Колонизація Туркестанскаго края дѣло первостепенной для насъ важности—вопросъ государственный. Безъ основательной колонизаціи края мы никогда не можемъ рассчитывать на его ассимилированіе, на его полное сліяніе, на его обрусеніе—а это должно быть нашей конечной цѣлію. А для этого необходимо, чтобъ колонизація велась серьезно, основательно и съ разу пустила бы глубокіе вдѣсь корни. Наши же поселенія похожи на бродячіе поддонки русскаго народа, заброшенные вѣтромъ въ нашу даль и глушь. Они едва ли могутъ представлять собой устойчивый, годный для колонизаціи элементъ; уже многіе изъ нихъ бросаютъ и свои земли, и свои домишки и снова бродяжничаютъ—и хорошо еще, если поступаютъ въ услуженіе, въ работники, или занимаются поденной работой, а то просто побираются Христовымъ именемъ. На туземцовъ они производятъ очень неблагоприятное впечатлѣніе и, конечно, не располагаютъ ихъ къ общенію съ собою. Туземцы, къ сожалѣнію, видятъ въ нихъ настоящихъ представителей русскаго народа, по нимъ судятъ о коренной Россіи—и конечно при видѣ ихъ не чувствуютъ особой потребности къ сближенію съ нами. Намъ кажется, что колонизацію края слѣдуетъ вести смѣло и широко. Земли годной для поселеній пока еще много въ окрестностяхъ Ташкента, напримѣръ по Келесу найдется болѣе 100 т. десятинъ богатѣйшей лѣсовой земли, нужно

только оживить ее, провести на нее изъ Чирчика воду. Для этого, разумѣется, потребуются солидные расходы, можетъ быть десятки, а можетъ быть и сотни тысячъ рублей. Да вѣдь нельзя серьезно браться за такое громадное и серьезнѣйшее дѣло съ тѣми грошевыми средствами, которыя нынѣ отпускаются на колонаціонное дѣло! Если будемъ употреблять на это великое дѣло только эти гроши, то время уйдетъ, воду изъ Чирчика разберутъ и колонизація Туркестана останется при печальномъ интересѣ.

Кромѣ оживленія для русскихъ поселеній земли, необходимо оказывать самимъ поселенцамъ широкую помощь по обустройству хозяйственнымъ инвентаремъ, по устройству путей сообщенія, по постройкѣ школъ, церквей. Люди придутъ за 3 за 4 тысячи верстъ—едва доберутся до мѣста. Нельзя отъ нихъ требовать, чтобъ они сами твердо стали на ноги—необходимо поддерживать ихъ. Въ Аулиеатинскомъ уѣздѣ поселенцы стали расходиться изъ своихъ поселковъ, потому только, что они устроены были вдали, въ глуши и не имѣли колеснаго пути, оказались изолированными отъ міра. Добрый хозяинъ конечно позаботился бы объ устройствѣ удобныхъ путей сообщенія, а администрація не подумаетъ объ этомъ. Поселки наши, расположенные въ 50—100 верстахъ отъ уѣздныхъ городовъ, не имѣютъ церквей и школъ. А это необходимо.

Вдали отъ русскаго міра, русскій мужикъ безъ храма Божіяго одичаетъ, пожалуй омусульманится, видя въ каждомъ ничтожномъ кишлакѣ мечети, гдѣ туземцы сходятся для удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей. Наши поселенцы выглядываютъ какими-то пришибленными, обездоленными,—а потому, что не удовлетворены ихъ насущныя потребности. Или ужъ не приниматься совсѣмъ за колонизацію края, или не скупиться на необходимые расходы—не ставить поселенца въ приниженное, угнетенное и униженное предъ туземцами положеніе.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что, несмотря на всѣ довольно крупныя ошибки и серьезные недостатки нашего управленія Туркестанскимъ краемъ за все время нашего здѣсь владычества, въ общемъ положеніе наше представляется въ довольно удовлетворительномъ видѣ. Осѣдлое населеніе несомнѣнно довольно своимъ положеніемъ, особенно—люди старые, пережившіе кокандскій режимъ, видѣвшіе кокандскіе порядки, выносившіе

тягости кокандскихъ сборовъ и поборовъ. Наши порядки несомнѣнно легче, положительнѣе и лучше кокандскихъ; наши подати вдвое легче—податная неурядица Ферганской области не коснулась ни Зарявшанскаго округа (нынѣ область), ни Сыръ-Дарьинской области. Въ ихъ жизнь, въ ихъ внутреннія дѣла, мы не вмѣшиваемся — они живутъ, какъ знаютъ и какъ хотятъ; свою религію они исповѣдуютъ, какъ желаютъ, совершенно свободно, безъ всякихъ стѣсненій, такъ что имѣютъ полное основаніе думать и дѣйствительно въ томъ убѣждены, что первенствующая господствующая въ краѣ религія не христіанская, а мусульманская. Мы даже не вмѣшиваемся въ ихъ самоуправленіе, въ ихъ судъ — управляйтесь и судитесь, какъ знаете, только сидите мирно и подати платите исправно. Ни въ душу, ни въ карманъ мы къ нимъ не залѣзаемъ.—вѣруйте въ кого и какъ хотите, живите, какъ желаете. Мы ихъ не эксплуатирруемъ, соковъ изъ нихъ не выжимаемъ, какъ поступаютъ съ ними просвѣщенные мореплаватели въ Индіи, въ Африкѣ и вездѣ, куда ихъ нелегкая занесетъ. И туземцы вполне благодушествуютъ. Если же при этомъ имѣть въ виду, что мы оживили экономическое развитіе страны, усилили промышленность и торговлю, вызвали сильный спросъ труда и капитала, что туземецъ, едва зарабатывавшій 10—15 коп. въ день, теперь добываетъ своимъ простымъ трудомъ, какъ рабочій, 40—80 коп., въ день, то весьма естественно, что туземцы весьма довольны русскимъ владычествомъ — и ошибутся въ своихъ расчетахъ всѣ горячіе фанатики Судана, Аравіи, или политиканы софты, или англійскіе подстрекатели, если пожалуютъ къ намъ съ цѣлію поднять мусульманъ противъ владычества невѣрныхъ: они могутъ найти себѣ прозелитовъ только въ медресе среди муллъ, а земледѣльческій, трудящійся, промысловый и торговый классы отнесутся къ нимъ совершенно равнодушно. Туркестанскій край никогда не жилъ такой мирной и покойной жизнью, какою живетъ теперь. Туземецъ никогда прежде не уходилъ такъ смѣло и спокойно на полевые работы въ степь, не боясь степныхъ, кочевыхъ хищниковъ, никогда такъ увѣренно не оставлялъ въ своей саклѣ своей семьи, что ее никто не тронетъ, — и онъ застанетъ, вернувшись съ полевыхъ работъ, все благополучно и въ порядкѣ. Вмѣсто прежняго приниженнаго рабоподобнаго вида при кокандскомъ владыествѣ, туземецъ смотритъ нынѣ смѣло и спокойно на все и на всѣхъ (только еще предъ казіями онъ сгибается—потому засудятъ), не только не поступится

онъ своими интересами, а напротивъ думаетъ развить ихъ на счетъ другихъ. Земли онъ всѣ захватилъ и распродаетъ; на базарѣ онъ главный хозяинъ: хлѣбъ, мясо, фрукты, огородныя овощи, молочный скотъ — словомъ вся насущная потребность у него въ рукахъ; многого онъ прежде не зналъ, многому на учился отъ русскихъ по части сельскаго хозяйства и строительства и строительныхъ матеріаловъ — и перещеголялъ своихъ учителей — отбилъ у нихъ хлѣбъ. Столяры, плотники, каменщики, повара, кучера и вообще мужская прислуга — преобладаютъ туземцы. Такимъ образомъ, мы вывели туземца изъ неподвижной раболѣпной жизни подъ шаріатскимъ режимомъ, изъ-подъ ханскаго ига, къ свободной, спокойной, трудовой жизни. Затѣмъ въ политическомъ отношеніи мы заняли грозное, внушительное положеніе. Кокандскаго ханства уже нѣтъ, Хива и Бухара существуютъ лишь изъ милости; подошли къ Афганистану и Персіи — и коварному Альбіону, этому заклятому нашему врагу, уже мерещится чрезъ грозной Гиндукушъ здоровый русскій кулакъ.

Средняя же Азія уже не замкнутый, невѣдомый, заколдованный міръ, куда европеецъ переступить порога не могъ, а открытая для всѣхъ и каждого, мирно трудящаяся подъ сѣнію двуглаваго орла, развивающаяся и богатѣющая не по днямъ а по часамъ, но все еще азіатская, страна.

Нельзя не указать еще на одну слабую нашу сторону: при нашей весьма похвальной вѣротерпимости, мы очень невнимательны почти индифферентны по отношенію къ нашей собственной религіи, къ родной нашей православной церкви. Наша православная вѣра есть господствующая вѣра въ краѣ. Это слѣдуетъ провозгласить громогласно во всеуслышаніе, — намъ стѣсняться некого и нечего. Мы никому не навязываемъ своей вѣры. Туземцы это видятъ и знаютъ. Но нужно, чтобъ знамя нашей вѣры высоко развѣвалось надъ нами и надъ знаменемъ ихъ религіи; нужно, чтобъ туземцы видѣли, что мы глубоко почитаемъ нашу вѣру и крѣпко ея держимся. Это необходимо для нашего собственнаго достоинства, иначе туземцы уважать насъ не будутъ. Мы же какъ будто прячемся отъ туземцевъ съ нашей вѣрой, какъ будто стѣсняемся чего-то предъ ними.

Въ семидесятыхъ годахъ къ военному губернатору Сыръ-Дарьинской области явился одинъ киргизъ и заявилъ, что,

живя среди русскихъ, онъ почувствовалъ желаніе принять русскую вѣру — такъ мы стали его уговаривать, чтобъ онъ этого не дѣлалъ и никому бы о томъ не говорилъ!—и онъ поступилъ къ губернатору джигитомъ, и о переходѣ въ христіанство уже не напоминалъ. Недоставало, чтобъ мы торжественно и гласно отказали принять его въ лоно православной церкви. Занимая степь и край, мы послѣ всего вспоминали объ устройствѣ храмовъ Божіихъ. Оренбургское начальство заводило въ киргизской степи хорошія, величественныя мечети, приставляло къ нимъ указныхъ муллъ или имамовъ — словомъ, само насаждало среди почти языческихъ дикарей не христіанство, а мусульманство, т. е., само своими руками подрывало и подкапывало свое родное русское дѣло. Объ устройствѣ же церквей въ занятыхъ пунктахъ никто не думалъ. По занятіи нами края храмы Божіи помѣщались въ какихъ-то сакляхъ, лачугахъ и только спусти чуть не десятокъ лѣтъ стали подумывать о постройкѣ церквей. Въ областныхъ городахъ Самаркандѣ и Маргеланѣ только по одной церкви—и то церкви эти не могутъ похвалиться своимъ благолѣпіемъ, а болѣе похожи на простыя сельскія церкви. А располагая такими громадными заравшанскими и фѣрганскими суммами, можно было выстроить величественныя храмы, подобающіе господствующей религіи. Въ Ташкентѣ только чрезъ 23 года выстроенъ и освященъ великолѣпный соборъ. Соборъ этотъ начать былъ при покойномъ генералъ-губернаторѣ, но, вслѣдствіе архитектурной ошибки въ самомъ проектѣ, постройка храма была приостановлена—и только при генералъ-губернаторѣ Черняевѣ снова выдвинутъ вопросъ о продолженіи его постройки. Но болѣе и усерднѣе всѣхъ ратовалъ за скорѣйшую его постройку генералъ-губернаторъ Розенбахъ, чего и достигъ. Благолѣпіе храма вознаградило насъ за долгое, томительное ожиданіе. И почему мы въ самомъ началѣ стѣснялись строить церкви? Во время торжественныхъ праздниковъ туземцы толпами окружаютъ нашъ соборъ, — и повидимому его благолѣпіе, громовой прекрасный звонъ (большой колоколъ около 600 пудовъ) и стройное, хоровое пѣніе производятъ на нихъ весьма благоприятное впечатлѣніе.

При этомъ нельзя не вспомнить съ глубокой благодарностію о благотворителѣ церковномъ коммерціи совѣтникѣ Н.И. Ивановѣ. Благодаря его щедротамъ, выстроены великолѣпные храмы въ Казалинскѣ, въ селеніи Никольскомъ близъ Таш-

кента (стоитъ около 60 т. руб.), въ селеніи Бѣловодскомъ близъ Пишпека. А остальные наши поселки, заброшенные въ глушь, вдали отъ городовъ, терпѣливо ждутъ такихъ благодѣтелей, не имѣя для того своихъ собственныхъ средствъ.

Заканчивая эти итоги, считаемъ нужнымъ оговориться, что мы имѣли въ виду собственно управленіе народомъ, и не касались тѣхъ отраслей нашей дѣятельности, которыя или не относятся прямо къ управленію краемъ, или перенесены сюда изъ центральной Россіи въ томъ видѣ, какъ они практикуются тамъ.

Такъ, мы не коснулись нашей блестящей военной дѣятельности, нашихъ внѣшнихъ сношеній съ сосѣдними ханствами, одно изъ которыхъ вошло въ составъ Имперіи, а два стали въ совершенно вассальное положеніе, — не коснулись славной страницы дѣятельности нашей по всестороннему научному изслѣдованію Туркестана, нашихъ блестящихъ ученыхъ экспедицій Сѣверцова, Федченко, Мушкетова, Миддендорфа и пр. Вся эта славная дѣятельность обстоятельно обработана, изслѣдована и составляетъ или прекрасный, научный матеріалъ, или достояніе науки и исторіи. Также не коснулись мы и дѣятельности нашихъ административныхъ органовъ и учреждений — они снимки съ такихъ же учреждений въ коренной Россіи и ни особенно хорошихъ, ни особенно дурныхъ качествъ не проявили.

Вотъ дѣятельности уѣздныхъ начальниковъ, облеченныхъ сравнительно большею властію и поставленныхъ въ прямое непосредственное отношеніе съ народомъ, слѣдовало бы подвести итоги; но дѣятельность ихъ до такой степени разнохарактерна, что трудно составить о ней одно цѣльное понятіе. Одинъ человѣкъ живой, энергичный, добросовѣстный, сердечный, у него работа кипитъ; но онъ человѣкъ увлекающійся, не практичный, и не любитъ формальности и канцелярщины, — дѣло идетъ у него плохо, кругомъ путаница. Другой человѣкъ спокойный, обстоятельный, практичный и обладающій энергіей — у этого все въ порядкѣ, и дѣло идетъ хорошо, не спѣша, но толково. Третій, канцеляристъ въ душѣ, закоснѣлый формалистъ, и дѣло понимаетъ, и толковый человѣкъ; но чрезмѣрная склонность къ бумагѣ, черниламъ и перу — всему дѣлу тормазъ: вмѣсто живаго, теплаго отношенія къ своимъ обязанностямъ, у него сухое, черствое письменное веденіе всѣхъ служебныхъ дѣлъ. Четвертый лѣнливъ; пятый тяжело-

думъ, недалекъ, дѣло не смыслить; шестой прямолинейный, буквоѣдъ, законникъ: что говоритъ буква закона, то и свято—и никакое землетрясеніе его не сдвинетъ съ этого пункта. Седьмой—въ другомъ родѣ прямолинейный: что скажетъ начальство, то и законъ—не разсуждать, а исполнять. Восьмой—да ужъ довольно!.. какъ тутъ разобратся между ними и подвести ихъ къ одному знаменателю.

Для урегулированія и объединенія дѣятельности нашихъ уѣздныхъ начальниковъ, необходимо было преподать имъ къ вразумленію и руководству такую же мотивированную инструкцію, какую составилъ для своихъ уѣздныхъ начальниковъ бывший военный губернаторъ Тургайской области, генералъ Гейнцъ. Да это по проекту 1867 г., и вмѣнено было въ непремѣнную обязанность губернаторамъ Туркестанскаго края; но они до этого не додумались и издавали для уѣздныхъ начальниковъ лишь циркуляры, которые, какъ мы видѣли выше, не всегда отличались ясностью, точностью и послѣдовательностью. Такіе циркуляры, какъ вышеприведенные двухъ военныхъ губернаторовъ Ферганской области, совершенно противорѣчащіе одинъ другому, едва-ли могли установить единство направленія дѣятельности, дать ясность и стойкость регулирующимъ и руководящимъ взглядамъ на дѣло управленія народомъ. Но если трудно было составить обстоятельную мотивированную инструкцію, то можно было преподать уѣзднымъ начальникамъ къ руководству эту прекрасную обстоятельную и подробную инструкцію генерала Гейнца. Нельзя не пожалѣть, что этого не было сдѣлано. Вслѣдствіе неимѣнія руководящей точки зрѣнія, вслѣдствіе отсутствія единства взглядовъ и пониманія народной жизни, народныхъ потребностей съ одной стороны, а съ другой яснаго пониманія нашей задачи, нашихъ интересовъ въ средней Азіи, уѣздный начальникъ принужденъ дѣйствовать по своему крайнему разумѣнію, безъ согласія съ дѣйствіями и взглядами другихъ уѣздныхъ начальниковъ. Личное же разумѣніе при самыхъ высокихъ качествахъ уѣздныхъ начальниковъ, при самыхъ лучшихъ ихъ намѣреніяхъ, можетъ незамѣтно переходить въ произволъ. Не подводя поэтому итоговъ дѣятельности уѣздныхъ начальниковъ, не вдаваясь въ разборъ ихъ дѣйствій, мы невольно останавливаемся на томъ впечатлѣніи, которое получается при сравненіи нынѣшнихъ уѣздныхъ начальниковъ съ прежними. Какъ будто нынѣшніе уѣздные начальники не тѣ, что были

до новаго положенія 1886 г., даже имѣя въ виду тѣхъ самыхъ уѣздныхъ начальниковъ, которые занимаютъ эти мѣста 10—15 лѣтъ, слѣдовательно были уѣздными начальниками до и послѣ положенія. Какъ будто тогда они были крупнѣе, внушительнѣе, виднѣе. Дѣйствительно, всматриваясь пристальнѣе въ положеніе уѣзднаго начальника, онъ представляется уже не прежнимъ начальникомъ уѣзда единственнымъ и властнымъ въ немъ хозяиномъ, а просто земскимъ исправникомъ,—такъ его и регламентируетъ положеніе 1886 г. (ст. 59). Прежде въ немъ сосредоточивалась и административная, и полицейская власти—нынѣ только послѣдняя. Очевидно уѣздный начальникъ уже не пользуется ни прежнею властью, ни прежнимъ положеніемъ. Не преждевременно ли это?

Покойный генералъ-губернаторъ находилъ, что на уѣздныхъ начальникахъ весь край держится. Также смотрѣли на нихъ губернаторы и вся администрація—потому уѣздные начальники пользовались большими полномочіями и высокимъ положеніемъ. Много уѣздныхъ начальниковъ не стояли на высотѣ своего положенія и не оправдали предоставленной власти и оказаннаго имъ довѣрія начальства; но это произошло отъ слабаго контроля за ихъ дѣятельностью, отъ недостаточнаго за ними надзора, который, конечно, былъ необходимъ и, наконецъ, отъ неудачнаго выбора лицъ на эту должность. Несомнѣнно, однако, что довольно значительный процентъ уѣздныхъ начальниковъ вполне оправдывалъ и власть, и положеніе, и довѣріе, которыми они пользовались. Измѣнилось ли положеніе дѣлъ на столько, чтобъ такая сильная власть въ уѣздѣ оказалась уже не нужною, чтобъ уѣздный начальникъ безъ ущерба управленію краемъ могъ быть низведенъ въ положеніе земскаго исправника. Намъ кажется, что нѣтъ данныхъ судить, чтобъ положеніе дѣлъ существенно измѣнилось противъ прежняго,—бывшаго, положимъ, 10 лѣтъ тому назадъ. Изложенные выше недостатки народнаго, общественнаго управленія и народнаго суда, напротивъ, убѣдительно показываютъ, что въ уѣздахъ еще необходима сильная, сосредоточенная власть. Туземецъ привыкъ почитать только власть сильную, полномочную. Начальникъ его долженъ обладать властью и силою учинить всякій распорядокъ—и вездѣ, и во всемъ проявить полную власть. Туземецъ не пойметъ, чтобъ уѣздный начальникъ, видя нарушеніе закона, не могъ самъ тотчасъ же возстановить нарушенный законъ, нарушенное право, и нака-

затѣ виновнаго, а долженъ для этого отослать послѣдняго къ суду. Намъ кажется, не настало еще время, когда уѣздному начальнику можно оставить только одну, чисто полицейскую часть, какъ уже начинаютъ поговаривать въ русскомъ обществѣ, а для завѣдыванія административною и хозяйственною частями, учредить другую, совершенно самостоятельную должность, въ родѣ мирового посредника. Такіе толки уже слышны въ обществѣ, но пока ни отъ кого и никакой поддержки они не имѣютъ. Мы, напротивъ, полагали бы полезнымъ снова возвысить положеніе уѣзднаго начальника, какъ оно было установлено проектомъ 1867 г. Теперь онъ не уѣздный начальникъ, а управляющій уѣзднымъ управленіемъ, который едва успѣваетъ справляться съ канцелярской работой и отписываться отъ разныхъ спросовъ, запросовъ и требованій со стороны прокурорскаго надзора, судебныхъ, финансовыхъ, административныхъ и военныхъ учрежденій и своего начальства. Теперь рутина, канцелярщина и бюрократизмъ входятъ въ полную силу. Это, конечно, не идеалъ хорошаго и правильнаго управленія народомъ!

И такъ, наше управленіе краемъ имѣетъ двѣ отличительныя черты: 1) великодушное, мягкое, заботливое отношеніе къ туземцамъ и 2) полное невмѣшательство въ ихъ внутренній бытъ, въ ихъ домашнюю и религіозную жизнь, т. е., предоставлена имъ полная, совершеннѣйшая свобода внутренней домашней жизни. Мы ихъ не эксплуатируемъ, не высасываемъ ихъ силъ податями и налогами, дали имъ полную возможность отдаться мирному труду и подняли спросъ и цѣну на ихъ трудъ и производство—и туземцы чувствуютъ себя превосходно, припоминая по свѣжей памяти недавно минувшія времена произвола, насилій и безправія. Слава о нашемъ легкомъ попечительномъ, великодушномъ управленіи разнеслась туземцами далеко за предѣлы края—и русское знамя высоко и грозно развѣвается на всю среднюю Азію. Но это одна сторона медали, а другая ея сторона не възрачная, не утѣшительная: тамъ то же невмѣшательство, но перелившееся черезъ край, перешедшее границы благоразумія. Какъ хорошо, полезно, симпатично невмѣшательство наше въ домашнюю и религіозную жизнь туземцевъ, такъ, напротивъ, дурно и въ высшей степени вредно наше невмѣшательство въ народное управленіе. Здѣсь ужъ мы перешли границу благоразумнаго невмѣшательства. На нашихъ глазахъ полная неурядица, под-

ное безобразіе народнаго управленія, а мы, сложа руки, благодушно смотримъ и молчимъ. Такое невмѣшательство чрезвычайно вредно—оно ведетъ туземцевъ въ деморализаціи нравовъ, къ разоренію, а съ другой стороны несомнѣнно подрываетъ нашъ престижъ, ибо показываетъ наше безсиліе, наше неумѣніе разобратся въ неурядицѣ народнаго управленія и установить въ немъ порядокъ. Либеральный принципъ невмѣшательства введенъ еще проектомъ 1867 г., но тогда онъ не примѣнялся вполнѣ на практикѣ: русская власть не могла тогда помириться съ пассивнымъ положеніемъ зрителя; а вошло оно въ полную свою силу съ 1884 года, когда распространилось даже на управленіе областями. Губернаторы и областныя правленія отвѣтствуютъ за свою дѣятельность предъ Сенатомъ—и потому не было вмѣшательства свѣше въ ихъ дѣла. Военные губернаторы и областныя правленія, примѣняясь къ этому, также сваливали все на уѣздныхъ начальниковъ—и благодушіе было разлито по всему краю. Только внизу кишить неурядица, выборныя, раскладочно-податныя и судебныя безобразія. Нельзя не пожелать, чтобы наша туркестанская администрація была скорѣе освобождена отъ этого вреднаго режима. Способный, энергичный и добросовѣстный администраторъ никогда не усвоитъ себѣ принципа такого невмѣшательства—это удѣлъ людей апатичныхъ, трусливыхъ, лѣнивыхъ и мало знакомыхъ со своими правами и обязанностями.

Въ настоящихъ итогахъ мы не коснулись еще многихъ весьма серьезныхъ и важныхъ вопросовъ нашей прошлой дѣятельности, какъ оживленіе мертвыхъ земель, ирригація, Закаспійская желѣзная дорога, разведеніе и сохраненіе лѣсовъ и пр., объ этомъ мы поговоримъ въ другой разъ.

Ю. ЮЖАКОВЪ.

